

АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИГРАР АЛИЕВ

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ:

ИСТОРИЯ.
ФАКТЫ.
СОБЫТИЯ

Издательство «Элм»
Баку - 1989

Алиев Играр

Нагорный Карабах: История. Факты. События. — Баку: ЭЛМ,
1989.— 104 с.

В брошюре дан краткий очерк истории Нагорно-Карабахской автономной области со времен глубокой древности до наших дней. В ней критически рассматриваются факты и события, приведшие к трагическим последствиям, потрясшим не только Азербайджан и Армению, но и всю нашу страну.

Брошюра рассчитана на самый широкий круг читателей.

А 0503020907—69 Резерв.
655(2)—89

© Издательство «ЭЛМ», 1989.

ИГРАР ГАБИБ ОГЛЫ АЛИЕВ

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ: ИСТОРИЯ. ФАКТЫ. СОБЫТИЯ

ИГРАР ҒӘБИБ ОҒЛУ ӘЛИЈЕВ

ДАҒЛЫҒ ГАРАБАҒ: ТАРИХ. ФАКТЛАР. НАДИСӘЛӘР

Художник *Ф. Сафаров* Художественный редактор *В. Устинов* Технический редактор *Т. Агаев* Корректор *Р. Абдуллаева*

ИБ №2112

Сдано в набор 25.11.88. Подписано к печати 30.11.88. ФГ 03331. Формат 70X90¹/_{за}. Бумага типографская № 1. Гарнитура шрифта литературная. Печать высокая. Усл. печ. лист. 3,80. Усл. кр.-отт. 3,80. Уч.-изд. лист. 3,73. Тираж 50 000. Заказ № 693. Цена 80 коп.

Издательство «ЭЛМ».

370143, Баку-143, проспект Нариманова, 31, Академгородок. Главное здание.

Типография им. 26 бакинских комиссаров Государственного комитета Азербайджанской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 370005, Баку, ул. Али Байрамова, 3.

Нагорно-Карабахская автономная область Азербайджанской ССР занимает юго-восточную часть Малого Кавказа. Это — горный край. Площадь НКАО — 4 тыс. 392 км². С севера на юг территория области простирается на 120 км, с востока на запад — на 35—60 км. В состав НКАО входят пять административных районов — Аскеранский, Гадрутский, Мардакертский, Мартунинский и Шушинский. Главный город — Степанакерт. Численность населения области на 1979 год — 162,2 тысячи человек, армян — 123,076, азербайджанцев — 37,264. В области проживает более 40 национальностей.

НКАО является органической частью единого целого — исторического Карабаха, две части которого — горная и низменная — на протяжении всей истории региона всегда были тесно и неразрывно связаны друг с другом, не могли обходиться друг без друга.

В климатическом отношении область можно разделить на три зоны: умеренно теплую, умеренно холодную и холодную. НКАО обладает густой речной сетью. Главнейшие реки — Тертер, Инджачай, Хачинчай, Каркарчай, Кенделенчай и Куручай.

Леса состоят из высокоценных пород: дуба, бука, ясеня, липы, граба, тиса и скумпии —

кустарника, из листьев которого получают дубильное вещество. Плодовые представлены грецким орехом, яблоней, грушей, алычой, кизилом. На леса и кустарники приходится более трети территории НКАО.

Из полезных ископаемых известна Мехманинская группа сульфидных полиметаллических руд с промышленными запасами свинца, цинка, меди. Обнаружены месторождения меди, барита и разнообразных строительных материалов (мрамор, мергели, мергелистые известняки, огнеупорные глины). Добывается жерновый камень. Вблизи Шуши располагаются углекисло-железистые водные источники типа «Нарзана».

НКАО — сельскохозяйственный район с развитым земледелием и скотоводством.

Динамично развивается и промышленность области. Основу промышленного комплекса составляют электротехническая и шелковая промышленность. Успешно развиваются также машиностроение, электроэнергетика, промышленность строительных материалов, мебельная, швейная, обувная, мясо-молочная промышленность и др.

Экономика НКАО является органической частью народнохозяйственного комплекса Азербайджанской ССР, активно участвует во внутриреспубликанском разделении труда и ее устойчивое функционирование в решающей

степени зависит от прямых и обратных связей с другими внутриреспубликанскими экономическими районами.

НКАО достигнуты крупные сдвиги в развитии социальной сферы. Сегодня автономная область по многим показателям социального развития намного опережает среднереспубликанские уровни

НКАО — один из красивейших и благодатнейших уголков Азербайджанской республики.

История Карабаха уходит своими корнями в глубокую древность.

Междуречье Куры и Аракса является одним из древнейших очагов цивилизации. Уже в конце третичного периода, особенно в начале четвертичного в этом районе имелись все условия, благоприятствующие обитанию здесь человека. Есть немало оснований полагать, что территория эта вместе со Средиземноморьем и Северной Африкой входила в зону прародины человечества, что и здесь происходило становление человека, как биосоциального и социального существа. Климат района в ту пору, по сравнению со всеми последующими этапами, был теплым и умеренно влажным. Зона эта отличалась богатой флорой и фауной. Именно здесь обнаружены древнейшие следы жизни и деятельности человека. И выявлено это в пещере Азых, являющейся древнейшей стоянкой человека на территории Советского

Союза.

Уникальное обиталище человека — Азыхская пещера, ее колоссальный материал имеет исключительное значение в изучении проблем формирования и развития первобытного общества, ранних людей, их материальной и духовной культуры, а также палеоэкологической ситуации, в которой жили и творили древнейшие люди.

Благодаря Азыхской пещере мы историю нашу можем начинать с эпохи самой седой древности — более чем миллион лет назад. История наша благодаря этим открытиям удревнилась на несколько десятков тысяч поколений.

Чрезвычайно важно, что азыхские материалы позволяют нам еще раз и вполне определенно говорить об общности, глобальности основных законов развития человеческого общества, об общем направлении социогенеза — предполагать универсальность модели образа жизни человека.

Азыхский человек (азыхантроп) очень рано овладел огнем и умел его поддерживать длительное время. Огонь играл огромную роль в истории человечества, начиная уже с самых ранних этапов палеолита.

Первые кострища в Азыхе стали пылать уже несколько сот тысяч лет назад. Познание огня было первой большой победой человека над

природой. Огонь был огромной технической и социальной силой. Он сделал человека независимым от климата, расширил источники его питания. Открытие, поддержание и использование огня отразилось и на осознании людьми количественно-пространственных отношений. Постоянно, непрерывно, определенными порциями «кормил» человек огонь топливом, соразмеряя наличный запас с потребностями дня, ведя, таким образом, счет — преобразовывая пространство во время, переводя объемы вязанок дров в «часы» их горения. И может быть, совсем не случайно, что в древних мифах Прометей, принося людям огонь, учит их счету. О том, что азыхский человек знал счет, свидетельствуют насечки, специально сделанные на одном из медвежьих черепов.

Не приходится сомневаться, в том, что создатели азыхской культуры уже обладали и мышлением, и формирующейся речью, а также какими-то элементами духовной культуры.

В Азыхе был обнаружен знаменитый фрагмент челюсти женщины, жившей приблизительно 350—400 тысяч лет тому назад. Это, по-видимому, невысокого роста существо, имеющее очень большое сходство с антропологическими находками со стоянки Тотавель на западе Франции, может быть отнесено к так называемым пренеандертальцам.

Тайник с медвежьими черепами, «культ черепа» в Азыхе свидетельствует и о появлении у обитателей этой зоны самых ранних, зачаточных представлений о явлениях окружающей среды, на почве которых позднее зарождаются элементы религии.

Насечки на одном из медвежьих черепов, являвшиеся несомненно элементами счета, да и искусства, возможно, свидетельствуют о каких-то космологических наблюдениях обитателя Азыха. Уже более 300 тысяч лет назад азыхантропы делают первые попытки соорудить себе жилища. Проблема жилища волновала человека уже начиная с самых древних времен.

Эпоха мустье относительно хорошо представлена здесь в пещерах Азых и Тагларской. Началась она приблизительно 100—80 тысяч лет назад.

Мустьерский человек обладал богатым духовным миром. Он уже осознал сущность цвета и цветовых соотношений. В инвентаре Тагларской пещеры обнаружены многочисленные заготовки для изготовления орудий, отличительной чертой которых является их цветовая гамма.

Важной особенностью мустьерского времени является постепенная активизация взаимных контактов, расширение связей между населенниками не только ближних районов, но и довольно отдаленных территорий. На это, в

частности, указывает материал Тагларской пещеры, позволяющий говорить не только об аналогиях с Ереванской стоянкой, но и о безусловных связях с мустьерскими культурами территорий к югу от Аракса, включая и Загросскую зону. На основании эффектных серийных материалов Тагларской пещеры можно выявить локальные особенности развития местной мустьерской культуры и проследить этапы ее эволюции на протяжении длительного времени последнего ледникового периода. Этот же материал позволяет нам установить подлинные пути раннего расселения человечества, направления древнейших культурных влияний и связей. Не может быть никакого сомнения в том, что палеолитический обитатель интересующей нас зоны должен был хорошо приспособиться к окружающей среде, чтобы выжить и продолжать жить и творить. Он в огромной степени отличался от животных именно своим активным использованием природы с помощью сложного комплекса материальной культуры. Он был силен и хорошо вооружен. Несомненно, был в достаточной мере умственно развит и обладал довольно богатым духовным миром. Древнейший обитатель региона вносимыми им изменениями заставлял природу служить его целям, учился постоянно господствовать над ней.

К сожалению, мы пока ничего не можем сказать об эпохах мезолита и неолита в интересующей нас зоне. Это было, как известно, время зарождения и развития производящего хозяйства, «неолитической революции» и т. д.

Энеолитический период в Карабахской зоне, как и в соседних областях, наступает, по видимому, на рубеже VI — V тыс. до н. э. Это — пора становления древнеземледельческо-скотоводческого хозяйства и оседло-земледельческой культуры в названном регионе.

Культура Карабаха эпохи бронзы и раннего железа отражена в погребальных памятниках. Поселения этого времени пока не выявлены. Группа курганов в окрестностях Степанакерта содержала массовые захоронения и трупосожжения. Инвентарь их состоит из черенковых каменных стрел, наверший булав, золотой подвески, бронзового кинжала, керамики и т. д. Курган у Хачинчая содержал золотую полуцилиндрику с рельефным декором, чернолощеную керамику и т. д.

Курганы поздней бронзы (Довшанлы, Арчадзор), подобно другим курганам Азербайджана (Ханлар, Барсунлу, Сарычобан), содержат весьма богатый инвентарь. Покойники погребены по весьма пышному погребальному ритуалу. Наличествуют умерщвленные рабы, дружинники и жены вождей. Это относится к

последнему этапу первобытнообщинного строя, его разложению, зарождению классов.

Памятники этого времени указывают на очень тесные контакты с южными странами. В Ходжалах, погребальные памятники которого не имеют себе равных в зоне Карабаха, обнаружена агатовая бусина с клинописью, которая содержит имя царя Ададнерари.

Ведущую роль в экономике периода играло земледелие. Другую важную отрасль хозяйства составляло скотоводство.

Эпоха бронзы характеризуется развитием обработки металла с широким использованием местных руд Карабахского меднорудного района. Судя по всему, на этой территории было налажено самостоятельное металлургическое производство. Развивались и ремесла. Важное место занимало керамическое производство.

Бронзовый век принес с собой множество значительных перемен, ставших особенно заметными с конца эпохи ранней бронзы. В глаза бросается значительное увеличение производительности труда благодаря развитию скотоводства, которое становится одним из главных богатств населения Переднеазиатско-Закавказского региона. В самом конце эпохи ранней бронзы, особенно в эпоху средней бронзы, начинает оформляться полукочевое, отгонное скотоводство, которое составляло одну из главных

отраслей экономики района. В низменном Карабахе интенсивно развивалось земледелие, которое покрывало нужды всех насельников региона в земледельческой продукции. Таким образом, горная и низменная части тесно были связаны друг с другом, являли собою составные части как бы единой эколого-экономической ниши.

Рост поголовья мелкого рогатого скота, с одной стороны, рост самого населения, вызванный увеличением производительности труда — с другой, был важнейшей причиной расселения племен, вынуждал племена со скотоводческим укладом к мобильности, делал их особо подвижными, отрывал их от сородичей — племен с земледельческо-скотоводческим укладом жизни, что, вероятно, не могло не приводить к различного рода этническим пертурбациям. В конце эпохи ранней бронзы, — особенно — средней бронзы, благодаря этому расселению были освоены зоны предгорий, горных и даже высокогорных районов под пастбища. Выдвигавшиеся из общей массы скотоводческие племена стали обладателями районов, богатых рудами, некоторым из которых, в числе их и Карабахскому, суждено было стать центрами горнорудного дела и металлообработки.

Хозяйственное и культурное развитие племен региона, появление у них прибавочного продукта стимулировало развитие обмена,

контактов и взаимосвязей их с племенами Кавказа и городскими цивилизациями Передней Азии. Все сказанное углубляло имущественную и социальную дифференциацию и приводило в конечном счете к серьезным переменам в социально-экономической, политической, духовной жизни племен, населявших интересующий нас регион. Учащаются войны.

Материальными доказательствами значительного развития в эпоху средней бронзы являются многочисленные и разнообразные предметы процветающих в ту пору металлургии и гончарного дела, рост поголовья мелкого рогатого скота, приведший к окончательному оформлению отгонного скотоводства.

Все сказанное еще более углубляет имущественную дифференциацию. Торжествует патриархат. Учащаются грабительские войны. Вторая половина II — начало I тысячелетия до н. э. — это эпоха поздней бронзы и начало века железа на территории Кавказа и северо-западной части Иранского плато, характеризующаяся блестящим расцветом металлургии интересующего нас региона, ставшей в ряд с металлургией центров Древнего Востока. Это время распада первобытнообщинного строя и постепенного перехода к раннеклассовым отношениям в интересующем нас регионе.

О высоком уровне развития общества этого времени ярко свидетельствуют многочисленные археологические материалы.

Исключительно высокого развития достигает отгонное скотоводство, при сохранении важной роли земледелия. Для этой эпохи мы можем говорить о значительном развитии ремесла и не только металлургического (расцветает металлургия бронзы, начинается освоение железа), но и гончарного.

О постепенном распаде первобытнообщинного строя свидетельствуют имущественная дифференциация, засвидетельствованная в погребениях воинов и вождей племен, резко выделяющихся из общей массы захоронений общинников. Так, в курганных захоронениях Карабаха обнаружены редко встречающиеся в Закавказье золотые изделия, предметы из перламутра и слоновой кости, а также много бронзовых изделий и других предметов. Часть вещей — привозные.

Из числа наиболее интересных погребальных памятников могут быть названы Ходжалинский, Арчадзорский, Ахмахинский курганные могильники, Карабулагский некрополь и др.

Огромный Ходжалинский могильник начал складываться приблизительно на грани II—I тысячелетия до н. э., отразив в себе основные черты погребальных обрядов племен региона.

Интенсивное развитие производительных сил не могло не влиять на производственные отношения. О значительных сдвигах в этом отношении прежде всего свидетельствуют погребальные памятники, которые говорят о разложении родового строя, различных изменениях, усложнении межплеменных и внутриплеменных отношений. Эти памятники говорят о рабах, о знати, о племенных вождях. Сказанное выявлено в Арчадзорских, Ахмахинских и др. курганах.

Война в это время становится наряду с скотоводством, земледелием и ремеслом, одним из главных дел насельников региона. Более быстрыми темпами развиваются связи со странами Передней Азии. В погребениях интересующей нас эпохи обнаружены глазурованные сосуды, цилиндрические печати, различные золотые изделия, пастовые бусы, перламутровые украшения, раковины моллюсков и, наконец, знаменитая агатовая бусина с именем Ададнерари, по-видимому, относящаяся к концу XIV — началу XIII вв. до н. э.

Говоря об этнической принадлежности насельников Центрального (да и Восточного) Закавказья в интересующую нас эпоху, следует отметить, что хотя зона эта находилась вне сферы письменных источников, у нас нет серьезных оснований думать, что до северо-восточно-

кавказских, точнее нахско-дагестанских языков в этом регионе были распространены какие-либо другие языки. Несомненно, что северо-восточно-кавказская группа языков, как и вообще иберо-кавказская, была автохтонной на Кавказском перешейке. Высказанные в науке гипотезы о миграционном происхождении народов и языков Кавказа этой поры были встречены критически. Большинство лингвистов предполагает исконное генетическое родство между всеми ветвями кавказской семьи языков, хотя родство это остается еще недоказанным. И соотнести ее с куро-аракской культурой, которую некоторые ученые считают индоевропейской по происхождению (что едва ли возможно), никак нельзя.

Если предположительно и можно допустить существование общекавказского языкового единства, то относить его следует, конечно, никак не к III тысячелетию до н. э., как это делали некоторые археологи, а к более раннему времени.

Остается открытым вопрос о генетическом отношении всех кавказских языков в целом к другим языкам и языковым семьям, в частности, к древним языкам Передней Азии.

Наиболее обоснованной выглядит точка зрения о родстве нахско-дагестанской группы языков с хурритским и урартским языками. Некоторые авторы утверждают наличие какого-то

родства хурри-урартского с индоевропейскими языками, к чему авторитетные ученые относятся весьма скептически. Пишут об индоевропейских элементах в кавказских языках, о древнейших индоевропейско-кавказских схождениях и об индо-ирано-кавказских схождениях, и об индо-ирано-кавказском контакте.

В конце III тысячелетия до н. э. происходит распад куро-аракской культуры и начинают, по-видимому, складываться основные этнические единицы в Кавказском регионе.

Археологические культуры Центрального и Восточного Закавказья в эпоху поздней бронзы и раннего железа были очень близки друг к другу и резко отличались от синхронной культуры Западного Закавказья. Сказанное почти несомненно сигнализирует о складывании племенного союза на базе нахско-дагестанско-хурритских племенных групп, о возникновении контуров будущего албанского союза племен.

В начале I тыс. до н. э. на юго-западных окраинах нашего региона появляется новая сила — урартские захватчики. Хотя зона Карабаха никогда не была завоевана урартами, можно полагать, что они играли какую-то роль в появлении на интересующей нас территории предметов переднеазиатского импорта. Контакты со странами Передней Азии не могли не влиять на

развитие Карабахского региона как в социально-экономическом, так и культурном отношении.

Полагают, что западная часть Карабаха в урартских источниках называлась Уртехе-Уртехини. Если верно предположение о том, что более позднее название зоны — Арцах происходит от Уртехе, то тогда, вопреки утверждениям ряда армянских авторов, совершенно бесспорно, что оно (т. е. Арцах) не является армянским, хотя бы уже только потому, что в ту пору и значительно позднее здесь никаких армян не было.

В мидийско-ахеменидскую эпоху власть мидян и позднее персов несомненно распространялась и на Юго-Восточное Закавказье, в том числе и на Нагорный Карабах.

Еще Геродот утверждал, что власть персов простиралась до Кавказского хребта. Ряд обстоятельств позволяет полагать, что картина эта восходит к мидийской эпохе. Есть немало оснований считать, что в XI сатрапию Персидской державы входили и албаны, которые, как полагают авторитетные ученые, скрывались под общим названием каспиев. Другая часть Юго-Восточного Закавказья входила в XIV сатрапию, куда причислялись утии (поздние удины), мики (обитатели зоны Мугани) и сагартии (жившие в Южном Азербайджане).

Учитывая сказанное, никак нельзя согласиться с составителями «Исторической справки»

(Нагорный Карабах. Ереван, 1988), что Арцах, где обитали и утии, находился в «составе Ервандидской Армении». Для этого нет никаких оснований.

Нет также оснований считать, что и позднее (в IV — I вв. до н. э.) зона Нагорного Карабаха входила в состав Армении. Если это было бы так, то персидский сатрап Мидии Атропат не имел бы возможности командовать сакесинами, которые обитали в междуречье Куры и Тертера. А между тем мы хорошо знаем, что в гавгамелской битве (последняя треть IV в. до н. э.) мидяне, которыми командовал Атропат (позднее — первый венценосец Атропатенского царства, возникшего в Южном Азербайджане), были «соединены» с кадусиями, албанами и сакесинами. Последнее обстоятельство заставляет думать, что интересовавшие нас албаны и сакесины выступали как союзники мидян, а не Персидской державы в целом. Это может свидетельствовать о преемственности политики, идущей, вероятно, от царей Мидийской державы, которые считали этот район, по-видимому, своим достоянием.

Атропат и Атропатыды владели названными областями, очевидно, по традиции, являясь политическими преемниками индийских владык, по крайней мере — владельцев Мидийской сатрапии.

То обстоятельство, что Атропату были подчинены (или были его союзниками) албаны и сакасины, свидетельствует о том, что власть его распространялась на XI и XIV сатрапии. В пользу владения XIV сатрапией свидетельствует то простое обстоятельство, что у Атропата существовали какие-то союзническо-даннические отношения с насельниками Сакасны, расположенной севернее Отены, области обитания утиев. Наконец, в пользу распространения власти Атропатидов на междуречье Аракса и Куры говорит и то обстоятельство, что власть правителей Атропатены распространялась и на отдельные районы Западного Закавказья, владеть коим нельзя без подчинения областей Восточного Закавказья.

Сказанное заставляет весьма скептически относиться и к утверждению Страбона о том, что Сакасна и Орхистена (полагают, что это греческое название Арцаха) находились в составе Армении.

История застаёт албанские племена не только на Левобережье Куры, но и на территории Правобережья. Они, как мы видели, упоминаются впервые в связи с событиями последней трети IV века до н. э. По словам античных авторов, число албанских племен достигало 26. Из числа этих племен кроме собственно албан для нашей темы

важны утии, содии (цавдеи), айнианы и некоторые другие.

Ученые считают, что албанские диалекты относятся к дагестанским языкам, ибо уже немало фактов свидетельствует в пользу древнеудинской принадлежности мингечаурских надписей, языком которых, конечно, мог быть только албанский, точнее — один из албанских диалектов. Важно отметить, что и сама историческая традиция, в частности и армянская, отождествляет албан, древних утиев-отенов современными удидами, язык которых вне всякого сомнения относится к дагестанской группе языков. Не менее важно и то, что сами удины в известном письме на имя Петра I писали: «...мы — агваны (т. е. албаны. — И. А.) и по нации утийцы».

В автохтонности албанского племенного союза на территории Юго-Восточного Закавказья нет никакого сомнения, чего, однако, нельзя сказать в отношении армян и армянского языка, которые могли появиться в областях Закавказья в лучшем случае не раньше эпохи завоевательных войн Артаксия и Зариадрия, т. е. после II века до и. э.

Правда, в последнее время все чаще звучат утверждения об «автохтонности» армян и армянского языка на Армянском нагорье и собственно на территории Закавказья. Пишут о том, что армяне, говорившие именно на армянском

языке, и жили в Армении, и говорили на нем «искони». Печатаются статьи о «хаясском иероглифическом письме», относимом якобы к XIV — XVII вв. до н. э. Утверждается, что от «мецаморского-гиксосского-древнеармянского» алфавита XVIII в. до н. э. произошли все алфавиты мира, что клинообразное письмо Вана является будто бы армянской клинописью и следует читать по-армянски и т. д.

Подобные разговоры, как это неоднократно показано, никакого отношения к науке не имеют, являются сущей фальсификацией с целью доказать аборигенность армянского элемента на территории современной Армении и соседних районов.

Теперь хорошо известно, что Армения не является родиной армянского этноса. Здесь он — элемент безусловно пришлый. Древнеармянский народ сложился в зоне верхнеевфратской долины, где-то в первой половине I тысячелетия до н. э. Еще во времена Геродота армяне населяли только западную часть так называемого Армянского плато. Кхенофонт подтверждает данные Геродота, говоря, что когда он вступил на территорию фасианов и таохов, которая позднее стала именоваться Северо-Центральной Арменией, то он понял, что армяне остались позади.

Албанское государство возникло приблизительно в III веке до н. э. С I века н. э. Албанией

правит род Аршакидов. Сообщая об этом периоде, наши источники, в частности и армянские, свидетельствуют о том, что южная граница Албании тогда проходила по р. Аракс, т. е. все междуречье Куры и Аракса входило в состав Албанского государства. Здесь именно размещались исторические земли Карабаха — Отена, Цавдея, Орхистена, частично Араксена.

Моисей Хоренский свидетельствует о том, что Арану, который, по-видимому, является легендарным предком, так сказать, эпонимом албан (что, возможно, связано со средне-мидийским названием Албании *Arpan*, парфяйским — *Ardan*), «выпала в наследство вся Албанская равнина с ее горной частью...» и что «от потомков Арана происходят племена — утии, гардманы, цавдеи и княжество Гаргарское». Все они — албанские племена.

Из числа названных племен утии, цавдеи — несомненно и гаргары — почти несомненно обитали в зоне Карабаха. Таким образом, наши источники определенно свидетельствуют об албанском происхождении племен Карабахского района.

Албанское племя утиев-отенов, являвшееся предками нынешних удин, знают еще античные авторы. Утиев упоминает Геродот, помещавший их в XIV сатрапии, рядом с миками, обитателями Муганской степи. Область обитания утиев,

согласно Плинию, граничила с Атропатеной по Араксу и именно в той его части, которая примыкала к Mukan'у, где обитали упомянутые выше мики. Как и мики, утии выходят на историческую арену в первой четверти V века до н. э., принимая участие в походе Ксеркса на Грецию.

Племя содиев, по-видимому, следует отождествлять с племенем, название которого засвидетельствовано в наименовании области Содукена (что = армянск. Цавдеаци, Завдея, Sotk'), которая помещается в Арцахе.

Гаргары — одно из главных албанских племен. Утверждают, что албанский алфавит был создан на базе гаргарского языка.

В числе племен интересующей нас зоны античные авторы знают и айнианов. Страбон пишет, что «...айнианы построили в Утии укрепленный город, который называется Айнианой; здесь показывают греческое оружие, медные сосуды и могилы». Область Айниана позднее входила, по-видимому, в состав Пайтакараиа.

Тот же Страбон в интересующей нас зоне упоминает анариаков и свидетельствует о том, что в области Утия «находится город Анариака, где, говорят, можно видеть прорицалище спящих», т. е. тех, кто гадают во время сна. Некоторые ученые «анариаков», что обычно переводится как

«неиранцы», исправляют на «араниаков», полагая, что, возможно, название это происходит от имени легендарного прародителя албанских племен Арана. Имеются более поздние данные, свидетельствующие об обрядах, связанных с культом женского божества, плодородия, о вещи птице в Утике (Утии) и т. д.

У Страбона есть сведения о том, что в Утии живут «и некоторые другие племена, занимающиеся более разбоем и войной, чем земледелием, что объясняется суровостью страны».

Говоря об Орхистене, Страбон отмечает, что она «выставляет наибольшее число всадников». Возможно, сказанное является наиболее ранним свидетельством, позволяющим предполагать существование в зоне Карабаха породы лошадей, позднее известной как карабахская.

Как отмечалось выше, армяне появились в областях Закавказья в относительно позднее время. По-видимому, условия для продвижения армянской экспансии на Восток подготовило падение Персидской державы. Очевидно, в период между путешествием Ксенофонта и созданием Оронтидского Армянского государства во II веке до н. э., армяне захватывают контроль над Центрально-армянским плато и резиденция их государства уже перемещается в Армавир в Араратской долине.

Агрессивность армян не могла не быть замеченной Страбоном, который писал; «...Армению, в прежние времена бывшую маленькой страной, увеличили войны Артаксия и Зариадрия... Они расширили совместно свои владения, отрезав часть областей окружающих народностей, а именно: у мидян они отняли Каспиану, Фавнитиду и Басоропеду; у иберов — предгорье Париадра, Хорзену и Гогарену, которая находится на другой стороне реки Кира; у халибов и моссиников — Каренитиду и Ксерксену, которая граничит с Малой Арменией или является ее частью; у катаонов — Акилисену и область вокруг Антитавра; наконец у сирийцев — Таронитиду».

Удивительно, что некоторые армянские ученые этот явно завоевательный процесс вопреки очевидности пытаются представить как объединение «армяноязычных областей».

За относительно короткий отрезок времени армяне, продвинувшись по довольно обширной территории, захватывают ее и местами ассимилируют ее население. Так, во II — I вв. до н. э. была создана так называемая «Великая Армения». Позднее армяне начинают теснить и своих новых соседей уже на территории Закавказья.

Экспансия армян в отдельные периоды распространялась и на некоторые закавказские области.

В науке существует точка зрения о том, что в период завоевательных войн армяне захватили и земли Куро-Аракского междуречья. Другие (это обычно армянские авторы) даже утверждают, что это — территория собственно северо-восточной части Армении, что население этой части «армянской» Албании было изначально армянским. Если с первой точкой зрения, авторы которой обычно опираются на данные Плиния, Диона Кассия, Плутарха и некоторых других античных авторов, считавших южной границей Албании реку Куру, можно спорить, то вторая точка зрения — это плод чистой фальсификации и выдумки, диктуемая националистическими амбициями и желанием во что бы то ни было утвердить явно ложную точку зрения об автохтонности армянского этноса на территории Закавказья.

О том, что сказанное никак не может быть отнесено по крайней мере к Карабахской зоне, свидетельствуют и одонтологические исследования, дающие информацию об этногенезе популяций и их взаимоотношениях, которую, как полагают ученые, пока не удалось получить по другим антропологическим системам.

Сказанное вполне согласуется с данными истории, со всем тем, что мы знаем об этнополитических процессах, происходивших в зоне Карабаха. Истину о том, что население инте-

ресующей нас территории — это обармянившиеся бывшие албаны хорошо знали грамотные люди еще в прошлом столетии.

Исходя из сказанного выше, мы можем определенно сказать, что никакой речи о том, что население Правобережной «армянской» Албании было изначально армянским, что эти области являлись Восточной Арменией быть не может.

Что касается первой точки зрения, то, возможно, в отдельные периоды экспансионистские устремления армянских владык и распространялись на территорию Куро-Аракского междуречья. Однако никак нельзя согласиться с утверждением некоторых армянских авторов, что будто «Правобережная Албания около шести столетий входила в состав централизованного рабовладельческого государства Великой Армении...». Сказанное противоречит всему тому, что мы знаем об истории Армении и прежде всего потому, что после разгрома Тиграна II римлянами в 66 году до н. э. никакой так называемой «Великой Армении» уже не было. Армения вынуждена была отказаться от всех завоеванных земель, за исключением Месопотамии и Кордуены. Армянский царь был объявлен «другом и союзником римского народа», что на дипломатическом языке той поры означало признание полной зависимости Армении от Рима, что в принципе продолжалось и позднее, вплоть

до IV века. Исходя из сказанного, со всей определенностью следует заявить, что земли Албанского Правобережья в период с I в. до н. э. по IV век н. э. не могли быть на длительное время включены в состав Армянского государства. Мы не исключаем, конечно, отдельные эпизодические наскоки армян, которые могли иметь и, вероятно, имели место в указанное время. Однако эта территория, несомненно, входила в состав Албанского государства.

Территория Армении, официально документированная договором 66 года до н. э., сохранялась неизменной до 37 года, когда по конвенции, заключенной между Римом и Парфией, от Армении к Парфии отошла также и Месопотамия. В этих документах ничего не сказано об албанских областях. Границы Армении 37 года официально были признаны по договору 298 года и оставались без изменения до 387 года.

Вся первая половина I века характерна для Армении кратковременным царствованием царицы Эрато, последней представительницы династии Тигранидов, сменой царей, являвшихся то римскими, то парфянскими ставленниками.

О политической судьбе Армении I века весьма важные данные представляет нумизматический материал, свидетельствующий о падении царства, об оккупации Армении, прославляющий римские победы над Арменией и т. д. На монетах той поры

Армения аллегорически изображена в образе женщины, сидящей под ногами римского императора, в виде покоренного быка, плененного армянского воина, умоляющего о пощаде и т. д. В том же I веке Армения была отдана императором Августом правителям Атропатены. Согласно данным Диона Кассия и Тацита, в 30 — 50-ые годы Арменией управляли иберийские царевики.

На протяжении I—II вв. в Армении стояли римские войска, стратеги которых были хозяевами страны. Чрезвычайно важно, что Армянское царство, правитель которого был вассалом Рима и получал корону из рук римлян, до 358 года платило Риму подати.

На протяжении I—IV вв. «Великая Армения» никак не могла вести агрессивную политику, ибо находилась в попеременной зависимости то от Рима, то от Парфии. Конечно, о захвате Арменией на длительное время албанских областей речи и быть не может.

Авторы, писавшие о неизменной на протяжении веков «Великой Армении», базируются на трудах таких раннесредневековых авторов, как, например, Павстос Бузанд, Мовсес Хоренаци и др., забывая при этом, что картина, нарисованная ими, отражает не реальную действительность, а, как считает Н. Гарсоян, «их собственнике идеалы — единую объединенную Армению, противостоящую угрозе Зороастрийской Персии».

Совершенно бесспорно, что эта картина «искажает действительность», ибо Армения, например в IV веке (и не только), «не была единой, не была объединенной» (там же).

Что касается Албании, то положение ее в I—IV вв. было несравненно лучшим, чем Армении. И если ей иногда и приходилось придерживаться римской или парфянской ориентации, она, в отличие от Армении, не теряла своей самостоятельности, о чем, кроме всего прочего, свидетельствует чеканка албанской монеты. Зависимость Албании от Рима носила номинальный характер. Согласно данным Плутарха и Аппиана, албанский царь не присутствовал в триумфе Помпея в Риме, что определенно свидетельствует о том, что римлянам не удалось включить Албанию в состав Рима в качестве его провинции.

В начале II века, когда весь Кавказ был приведен в подчинение Риму, самостоятельной оставалась лишь Албания. В середине и второй половине III века Албания была настолько независимой, что в отличие от соседей, албаны могли позволить себе «не принять письма» сасанидского царя царей Шапура I. У нас нет оснований полагать, что положение Албании осложнилось в IV веке.

Исключая случайные наскоки и, возможно, временные захваты каких-то албанских терри-

торий со стороны Армении, Албания I—IV вв., южные границы которой проходили по реке Аракс, владела и междуречьем Куры и Аракса.

Сказанное нами о политической ситуации в регионе в первые века нашего летоисчисления, с уверенностью позволяет заявить, что на исходе античности зона Карабаха, невзирая ни на что, оставалась этнически и политически утийско-албанской частью суверенного Албанского царства. Колонизация и арменизация этой территории — явление более позднее. О захвате «армянскими феодалами» областей нынешнего Нагорного Карабаха писал акад. И. А. Орбели, об «арменизации» населения ее — акад. С. Т. Еремян.

В политическом отношении зона Нагорного Карабаха (Орхистены — Арцаха) в I—IV вв. совершенно бесспорно была подвластна албанским Аршакидам. В VII—VIII вв. — великим князьям — Михрапидам.

В VIII в. в результате арабского завоевания албанское царство пало. Трагические события этого периода, активным участником которых была армянская церковь, положили начало постепенной деэтнизации албанского этноса и григорианизации, а позднее и арменизации части населения зоны Нагорного Карабаха. Но жив был албанский дух и благодаря этому уже в IX в. Албанское царство частично было восстановлено и именно на территории Арцаха. В XII—XIII вв. в

зоне Арцаха и Утии возвышается Хаченское княжество, которое, как справедливо считал академик И. А. Орбели, «было частью древней Албании».

Блестящее развитие этого княжества, правитель которого назывался также и «царем Албании», «окраинодержателем Албании», приходится на время Гасан Джалала (1215—1261). Именно при нем был построен Гандзасарский монастырский комплекс, позднее превратившийся в «престольный собор Албании».

В эпоху средних веков зона Нагорного Карабаха входила в состав Карабахского (или Гянджинского) беглярбегства. Позднее, в XVIII — начале XIX в., территория эта вошла в состав Карабахского ханства. В начале XIX в. это ханство вошло в состав России.

История края достославна и богата примерами героической борьбы карабахцев против иноземных захватчиков.

Образование в 1923 году Нагорно-Карабахской автономной области в составе Азербайджанской ССР, несмотря на множество различного рода препятствий, явилось реализацией ленинской национальной политики КПСС и находилось в соответствии с ленинскими принципами национально-государственного устройства.

С того времени, в годы Советской власти,

благодаря неустанной работе партии и правительства хозяева Карабахской земли — азербайджанцы, армяне, русские, представители других национальностей живут в мире и согласии, рукотворно созидавая свое сегодняшнее и завтрашнее счастье. Однако вот уже много десятилетий в кругах националистической буржуазии, незрелой части армянской интеллигенции, среди части партийных и государственных деятелей Армянской ССР, искусственно порожден и муссируется так называемый «карабахский вопрос».

Это имеет свои стародавние корни. Все сегодняшнее имеет свои вчерашние истоки. И поэтому для анализа сегодняшних событий необходимы и вчерашние факты, свидетельства и интерпретации.

Нездоровые рассуждения имеют место в ряде произведений литературы и искусства Советской Армении. Чаще всего они встречаются в произведениях писателей и поэтов — Сильвы Капутикян, Леонида Гурунца, Баграта Улубабяна, Геворга Эмина, Ованеса Шираза, Сурена Айвазяна, в ряде фильмов, созданных армянскими кинематографистами и др. В книгах указанных авторов, в кинофильмах последовательно и целенаправленно отстаивается и пропагандируется идея об исключительности армянского народа, его интеллектуальном

превосходстве над другими народами. Содержатся попытки в художественной форме обосновать масштабы древнего и средневекового армянского государства, которое простиралось якобы «от моря до моря». И как следствие — широким читательским массам прививается вредная мысль о «законности» территориальных притязаний и необходимости возвращения Армении ее «исконных территорий» — Нагорного Карабаха и Нахичевана.

В книгах и статьях, посвященных жизни армянских колоний в зарубежных странах, делаются даже попытки обелить дашнаков и другие антинародные элементы. Это видно, например, в произведениях С. Капутикян — «Караваны еще в пути», «Меридианы карты и души». С. Капутикян, к примеру, пишет: «...фонд, основанный по завещанию зарубежного армянина Галуста Гюльбекяна, распределяет свои средства во многих странах мира. При нем существует и армянская секция, которая призвана помогать спюрку (т. е. армянским зарубежным колониям. — *И. А.*) — его учебным заведениям, больницам, нуждающимся студентам, создавать труды по истории Армении, ее зодчества и прочее». Однако С. Капутикян забывает, что Гюльбекян в двадцатых годах активно помогал международным нефтяным монополиям в захвате арабской нефти. За «особые заслуги» компания

«Ирак петролиум» выплачивала семье Гюльбекяна пять процентов своих прибылей. Это тот самый Гюльбекян, который, сознавая аморальность своих поступков, грабил национальное достояние русского народа — эрмитажные шедевры и т. д. Легко представить себе, какие книги создаются на деньги этого миллионера, действиями которого умиляется С. Капутикян. Видимо, это отражает нездоровые настроения определенной части армянской интеллигенции, подогреваемой зарубежными эмигрантскими кругами и репатриантами, переехавшими на постоянное жительство в Советскую Армению, а также армянским духовенством.

То самое национальное чувство, чувство национального единения армян Азии, Европы, Америки и Австралии, которое проповедует С. Капутикян, прихватывая на ходу и чужое — Арарат, озеро Ван, монастырь Гандзасар — легко может перерасти в национализм и даже нацизм и обернуться (частично уже обернулось!) величайшей бедой и непредсказуемой трагедией для народов.

К сожалению, книги и материалы, содержащие неправильные взгляды армянских авторов, выпускаются не только местными издательствами, но и центральными. Они печатаются во всесоюзных журналах, проникают на страницы газет. К примеру, «Дружба народов», № 12, 1978 г.

В опубликованной в «Литературной газете» от 13 сентября 1978 г, статье «Важная дата в истории» (к 150-летию вхождения Армении в состав России.) М. Шагинян писала: «Мне кажется (это, конечно, оспоримо), что у армянского народа, древнейшего народа христианской цивилизации... не было того исторического разрыва в развитии и становлении национального типа и характера, какой произошел, например, в Древней Греции и в Древнем Египте. Мне кажется, мало общего между античным греком Гомеровской эпохи и современным греком. Или между классическим египтянином эпохи фараонов и современным арабом. Тип армянина эпохи его древнего эпоса, золотого пятого века его письменности, драгоценных отрывков дохристианского времени... по духовному стрелю его характерных особенностей, по силе энергии, заложенной в его действиях, по проявлению его духовной и физической сущности в быту и творчестве, в тенденциях — как будто продолжает историческое свое развитие, без разрыва, без существенных различий с предшествовавшим народным типажем». По нашему мнению, в этих словах М. Шагинян дается немарксистская оценка армянского народа, делается попытка противопоставить его другим народам.

Писатель и, с позволения сказать, историк Баграт Улубабян, за оголтелую националисти-

ческую пропаганду понесший строгое партийное наказание, немедленно переехал в Ереван, где ему были созданы самые благоприятные условия для вредоносной деятельности, выразившейся в десятках выступлений и, в частности, в публикации псевдонаучных работ «О топонимах «Албания», «Агванк» и «Аран» (Историко-филологический журнал, № 2, 1971 г.), «О северовосточном рубеже армянского языка и арцахском диалекте», «Очерки истории восточного края Армении (V—VI вв.)» и др., в которых проповедуется националистический тезис о «Великой Армении».

Автор романа «Судьба армянская» Сурен Айвазян (это произведение после издания на армянском языке было в 1976 году выпущено на русском языке издательством «Советский писатель») преследует цель доказать, что ни в древние времена, ни в описываемые им XVII—XVIII вв., не было азербайджанского народа. С. Айвазян утверждает, что истинными хозяевами, исконными обитателями Нахичевана и Карабаха являются армяне, что «мусульмане» (азербайджанцы) на этих землях пришельцы. Он пишет, что границы Армении проходят вблизи Баку и Шемахи (стр. 377) и что области Шеки, Гандзак (Гянджа) и другие являются армянскими (стр. 379) и тому подобное. В романе присваивается не только территория

Азербайджана, но и памятники материальной культуры. Искажаются названия городов и сел. Стремление Айвазяна «отказать» азербайджанскому народу в его исторической «реальности» — не случайность. Он рассматривает историю не с марксистских позиций — как историю классовой борьбы, а как историю борьбы христиан и мусульман. В произведении Айвазяна всюду все христиане — «вечные враги» мусульман, а все мусульмане — «вечные враги» христиан. Поэтому он проповедует бредовую мысль — для того, чтобы христиане жили спокойно и свободно, необходимо «устранить» всех мусульман.

Пишущий на русском языке и долгое время живший в Баку Леонид Гурунц в своих рассказах и очерках, публицистических статьях постоянно упоминает Карабах в числе «неотъемлемой» территории Армении. Его произведения заполнены угрюмым брюзжанием по поводу участи армян, проживающих в Карабахе, делаются попытки выискать «ошибки» в отношении НКАО со стороны республиканских организаций.

В книге Вардгеса Петросяна «Армянские эскизы» (Издательство «Айастан», 1975) в национальные герои возводится головорез и заклятый враг народа Андраник, которого народный комиссар по иностранным делам

РСФСР Чичерин Г. назвал «антантовским агентом», «агентом Антанты».

Откровенно националистические мотивы проявляются в киноискусстве Армении. В документальном фильме «Семь песен об Армении», созданном по мотивам одноименной книги Геворга Эмина (Москва, «Советский писатель», 1978 г.), полностью умалчивается о братской дружбе закавказских народов. Такая позиция приводит автора фильма к сомнительным сентенциям, вроде слов комментатора о том, что где кончается территория Армении, начинается мрак. Вопрос о границах поднимается и в кинофильме «Рождение». Фильм открывается древней картой так называемой «Великой Армении», в которую включены и азербайджанские земли. Здесь красной нитью проходит идея о том, что «земля Армении мала», значительная территория ее скалистая, «юго-западная территория Армении находится под властью Турции», что для Армении нужны новые земли и т. п. В фильме говорится о том, что в Армению необходимо привезти из Баку нефть по железной дороге. И тут же слышится реплика — «Но через Гянджу не проедешь». Непонятно, почему Гянджа, в которой тогда уже установилась Советская власть, должна противиться переброске нефти в Армению. Это тем более непонятно, так как народы Закавказья оказывали друг другу в

трудные минуты братскую помощь. В частности, в мае — июне 1920 года в Шамхорском и Казахском уездах нашли убежище и приют в азербайджанских семьях до 20 тысяч беженцев-армян, спасающихся от произвола дашнаков. Правительство Советского Азербайджана создало специальную комиссию во главе с Н. Н. Наримановым по оказанию помощи армянским беженцам.

В фильме искажена трактовка известного письма В. И. Ленина от 14 апреля 1921 года коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики. Почему-то утверждается, что письмо В. И. Ленина прежде всего относится к Армении.

В фильме «Звезда надежды» (по роману С. Ханзадяна «Мхитар Спарапет»), поставленном «Арменфильмом» совместно с «Мосфильмом», Карабах упоминается в числе армянских земель. В этом фильме борьба армянского народа против иноземных захватчиков дается вне связи с борьбой других народов Закавказья. Классово-исторический подход к этой важной теме подменен чисто религиозной интерпретацией этих важнейших событий. В уста одного из положительных героев фильма — князя Долгорукого вкладывается такое изречение: «Жив был бы Петр Алексеевич, быть бы нам уже на берегах Евфрата. И Армения, и Грузия с нами

были бы, не погибали бы души христианские и совесть наша чиста была бы». Главному герою — полководцу Мхитару приписывается следующая мысль: «Мы стали щитом меж турецкой армией и Дербентом. Но щит прогибается, христианский щит». Здесь авторы фильма или «забыли», что на указанной территории проживает азербайджанский народ, или же намеренно стремятся «отлучить» нехристиан от общей борьбы закавказских народов.

С участием армянских кинематографистов на студии «Ленфильм» была создана картина «Берег юности». Несмотря на то, что действие происходит в Баку, в фильме вскользь говорится, что в этом городе проживают все национальности от «а» (азербайджанцы) до «я» (японцы), авторы фильма нашли в нем место представителям многих народов, в том числе немцам, но ни одного действующего лица азербайджанской национальности на экране **нет**. Лишь в одном эпизоде фильма мелькает изображение женщины в чадре, представленной, по-видимому, как азербайджанка, которая, к тому же, произносит одну единственную фразу почему-то на турецком языке. Трудно также объяснить, почему у главного героя фильма — армянского мальчика, не оказалось в Баку ни одного друга — азербайджанца, и почему среди оказавших помощь его семье не было азербайджанцев.

В журнале «Декоративное искусство СССР» (№ 12, 1978 г.) помещена статья Н. Воронова — «Армения: новые скульптуры украшают древние земли». Говоря о памятниках, сооруженных в Армении, автор пишет: «наиболее же сильной и выразительной среди работ С. Багдасаряна является декоративный монумент «Мы — наши горы» (1967 г.) — своеобразный памятник народу Нагорного Карабаха» (стр. 11). В этой статье говорится о другом памятнике С. Багдасаряна, установленном в 1965 г. в селе Чардахлы в честь воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны (стр. 9). Следует отметить, что памятник С. Багдасаряна «Мы — наши горы» установлен в Степанакерте без разрешения директивных органов республики. Он представляет собой портрет мужчины и женщины с армянскими чертами лица, в армянской национальной одежде. Памятник намеренно установлен без пьедестала, что должно подчеркнуть «неотъемлемость» Карабаха от Армении (люди как бы выросли из земли). Конечно, это, как показали будущие события, делалось с прицелом.

«Неделя» — воскресное приложение «Известий», № 26, 28 июня — 4 июля 1976 г. На стр. 12—14: «Село воинов и пастухов». Статья подписана А. Коричевским. Снимки — Григория Дубинского. Вернувшись в Москву из Чардахлы, корреспонденты «Недели» решили обратиться к

Главному Маршалу бронетанковых войск Герою Советского Союза А. Х. Бабаджаняну с просьбой прокомментировать их репортаж. Обращает на себя внимание: ни в одном месте не упоминается, что это село в Азербайджанской ССР. Говорится о селе на Кавказе. Все сравнение берется в масштабе Кавказа. Лет десять назад все чардахлинцы сложились, собрали деньги и поставили памятник воинам-героям — односельчанам. Из уст А. Х. Бабаджаняна: «Нас с малых лет воспитывали в таком духе: раз ты мужчина — значит не имеешь права жаловаться на трудности. Мужчина должен уметь постоять за себя, защитить себя и других — это один из главных пунктов неписаного кодекса чардахлинца. И я легко могу объяснить его происхождение: село раньше стояло на границе, постоянно подвергалось вражеским набегам. Тогда чардахлинец откладывал в сторону пастушеский посох и брал винтовку...». Спрашивается, о какой границе идет речь? Ведь это село окружено азербайджанскими селениями и районами. Значит, враги и совершающие набеги были азербайджанцы?!

Невероятно возмутительной была книга-пасквиль З. Балаяна «Очаг», изданная огромными тиражами на армянском и русском языках. В ней много наглых притязаний на чужие территории, много самого настоящего бесстыдства. Я

представляю себе, с каким наслаждением читали ее представители дашнакского и иного отребья и чего нам все это стоило. Можно привести множество подобных примеров.

Много антинаучного и вредного содержится в армянской прессе, учебной, популярной и научной литературе, издаваемых в Армянской ССР.

Все чаще проскальзывают элементы идеализации прошлого, национального чванства, открыто утверждается, так сказать, исключительность армянского народа, особенно рьяно и по существу беззастенчиво проповедаются националистические идеи о величии «Великой Армении», самым безобразным образом и на все лады муссируется вопрос о границах «Великой Армении». Так в интервью, в свое время данном тогдашним Председателем Совета Министров Армянской ССР Ф. Г. Саркисяном, сказано, что «были времена, когда она (Армения. — *И. А.*) звалась Великой Арменией, тогда в эпоху эллинизма она принадлежала к числу самых обширных и могущественных государств мира. Армения, занимавшая в давние времена обширные пространства Малой Азии и Закавказья, лежала как бы огромным слитком...». Там же утверждается, что «...в 1812 году к России перешли армянские земли Лори, Кафан, Карабах, Ширак, Зангезур...».

Много антиазербайджанских разглагольствований содержат книга Ц. П. Агаяна «Роль России в исторических судьбах армянского народа» (М., 1978).

В мемуарах маршала И. Х. Баграмяна (журнал «Знамя», № 3—4, 1979) самым безответственным образом восхваляется Андраник, истребивший тысячи азербайджанцев.

В ряде работ армянских историков не проявляется должного классового подхода при оценке отдельных исторических событий и фактов, которые нередко искажаются в угоду идеи величия Армении, даются характеристики, которые отнюдь не способствуют укреплению дружбы народов. Термином «Армения» подменяется другое, совершенно иное и на деле эфемерное понятие — «Великая Армения», которая будто бы на протяжении многих веков простиралась «от моря (Каспийского) до моря (Черного)». История в этих работах используется в целях обоснования притязаний на территории Нахичеванской АССР, Нагорно-Карабахской автономной области и другие земли Азербайджанской ССР.

Весьма характерной является «История армянского народа» (Ереван, 1980). И в этой книге авторы не могут отрешиться от вздорной идеи исключительности армянского народа, от желания удревнить его историю, приукрасить ее, не

отказались от захватнических поползновений в отношении соседей. Захват чужих земель самым бессовестным образом преподносится как «объединение» армяноязычных областей. Карабах и Нахичевань называются армянскими землями и т. д.

До Геракловых столпов доходит произвол и фальсификация в трудах таких авторов, как например, А. Ш. Мнацаканян, который в книге, названной «О литературе Кавказской Албании» (Ереван, 1969), умудрился территориальным вопросам посвятить в целом не менее 50 страниц, то есть четверть всей работы.

Возмутительно, что Карты так называемой «Великой Армении» клеиваются в разного рода работы, которые не всегда имеют прямое отношение к «Великой Армении». В этом отношении характерна серия небольших по формату книг, изданных к юбилею армянской письменности. В эти книги вклеены карты «Армения в эпоху Месропа Маштоца. 360—440 гг.». Хорошо известно, что такой Армении, во всяком случае ни в последней четверти IV, ни в первой половине V в., не было. Вот что сказано в статье «Великая Армения», помещенной в «Большой Советской энциклопедии»: «В 387 г. она (т. е. «Великая Армения». — *И. А.*) была разделена между иран(скими) Сасанидами и Византией». То же самое сказано в статье «Армянская ССР»

(исторический очерк; раздел до XIX в. написан акад. С. Т. Еремяном).

В 1977 году была издана книга П. М. Мурадяна «Грузинская эпиграфика Армении». И здесь, в книге, посвященной грузинским документам в Армении, документам, старейший из которых относится к XI в., дана карта той же «Великой Армении».

Интересно, что также поступали армянские деятели еще в прошлом столетии, что отмечал русский чиновник В. Л. Величко. Он писал: «...в этих школах (речь об армянских приходских школах. — *И. А.*) распространялись и карты Великой Армении, чуть не до Воронежа, со столицей в Тифлисе...».

Тот же В. Л. Величко отмечает укоренившуюся своеобразную агрессивность «армянских меценатов из нефтепромышленников», их желание поживиться за счет своих соседей (что, между прочим, делают в наше время многие армянские ученые). Вот, что пишет он: «Грузин они в области историко-археологической грабят бессовестнейшим образом; сцарапывают грузинские надписи с памятников, захватывают древние православные часовни и опустелые церкви, сочиняют исторические нелепости и указывают, как на древние армянские владения, на такие области, где каждый камень говорит о прошлом грузинского царства».

Нечто подобное делалось в недавние времена и в Нагорном Карабахе, делается и сейчас.

Отмеченной выше черте армянской плутократии, посвящена отличная брошюра-протест («Армянские мудрецы и вопиющие камни») великого грузинского писателя и общественного деятеля Ильи Чавчавадзе.

Разве не армянские ли книжники Эмин, Худабашев, Ерицов и др. оспаривали права грузин на несомненно грузинские земли? Разве не армянская элита еще в прошлом столетии через Сенковского распространяла вздорные слухи о том, что в Грузии не было грузин и что здесь обитали армяне и другие народности, или утверждала, что большая часть Грузии вместе с Тифлисом испокон века принадлежала армянам.

Благо, что иногда этим субъектам крепко доставалось, в частности, со стороны таких, как И. Чавчавадзе.

Идею Великой Армении, — одного народа на Кавказе армянские ученые в прошлом веке проповедовали и устами одураченных ими иностранцев. Один из них писал: «...будущее на Кавказе принадлежит армянам, соседям же их грузинам и татарам (т. е. азербайджанцам. — И. А.) не остается ничего, как только обармяниться».

Итак, агрессивность армянской элиты направлена была не только на Азербайджан и азербайджанцев, но и Грузию и грузин. Такова

уже она, эта армянская элита.

«Великая Армения», воссозданная в умах части армянских исследователей, воссозданная искусственно, за счет земель соседей (в Закавказье — это по преимуществу земли исторической Албании), несомненно, в значительнейшей степени является фикцией.

Читателю внушается, что Карабах (Арцах — Хачен), Нахичеван, Пайтакаран и другие земли были «*коренными* (курсив мой. — *И. А.*) областями исторической Армении», землями «*исконно* (курсив мой. — *И. А.*) армянскими», составляли «*неотъемлемую* (курсив мой. — *И. А.*) часть централизованного государства «Великой Армении».

Интересно отметить, что в период II русско-иранской войны (1826—1828 гг.), когда победа русской армии не вызывала уже никакого сомнения, Х. Б. Лазарев представил царскому правительству проект, лейтмотивом которого являлась мысль о «возрождении армянского царства в составе Российской империи». Эта мысль послужила для правящих кругов Российской державы основанием для создания буферного христианского государства на окраине империи. По завершении русско-иранской войны, согласно Указу Николая I от 21 марта 1828 года, были упразднены Нахичеванское и Эриванское ханства, которые были объединены в одну

административную единицу под названием «Армянские области». Окрыленный этим мероприятием царского правительства, Лазарев и другие армянские деятели предлагали увеличить территорию Армянской области за счет других азербайджанских земель — Шекинского и Шемахинского ханств. Каково, а?

Итак, «Армения», «Великая Армения» со множеством территорий, с Карабахом, Нахичеваном, Пайтакараном и многими другими землями...

Однако, бесспорно, что все эти земли не были и быть не могли «коренными», «исконными», «неотъемлемыми» и т. д. Дело в том, что армяне на всех этих землях элемент безусловно пришлый. Неужели земля, куда ступала нога армянина, должна считаться исконно армянской?!

Миграции, как известно, имели место уже в глубочайшей древности. Древнейшие миграции, носившие мирный характер освоения новых территорий, возможно, были, как показывают последние исследования советских и зарубежных исследователей в области психофизиологии и генетики, вызваны так называемым «рефлексом свободы», т. е. стремлением отдельных групп к новому, непреодолимому желанием проникнуть в неизведанное. Мы знаем о переселениях значительных масс людей еще в эпоху палеолита. Позднее, в эпоху распада первобытнообщинного

строю, причинами, вызывавшими миграции, были истощение естественных ресурсов в пределах племенных территорий, борьба за уголья, за скот, сам количественный рост населения и т. д.

В древности имели место переселения целых групп племен и даже народов. Так, например, на рубеже III — II тысячелетия до н. э. в Малую Азию переселились хеттские племена. По-видимому, приблизительно в это же время происходило расселение эллинских племен на территории Греции. Где-то в конце II или в самом начале I тысячелетия до н. э. в областях Иранского плато стали расселяться вышедшие из Южнорусских степей ираноязычные племена. А их ближайшие родичи — индоарийские племена, быть может, еще в более раннее время вторглись в Индию.

Теперь, как отмечалось выше, хорошо известно, что Армения вовсе не является родиной армянского этноса. История застаёт армянские племена не на территории собственно Армении или хотя бы где-то поблизости, а за тридевять земель от нее. Как утверждают сами армянские авторы, «древнейшим ядром А. (т. е. армян. — *И. А.*) было население северо-восточной части М[алой] Азии. Эта страна... наз[ывалась] Армата, а позднее (14—13 вв. до н. э.) Хайаса. Оттуда предки А. (т. е. армян — *И. А.*) в 12 в. до н. э. вторглись в пределы Шуприа (к Ю.-В. от озера

Ван)... В сер. 8 в. до н. э. она была присоединена к государству Урарту под названием Урме или Арме. Население этих областей (Хайаса и Арме) говорило на индоевропейском] протоарм[янском] яз[ыке], который постепенно стал языком крупных племенных объединений западной части Армянского нагорья...».

Крупнейший знаток этих проблем И. М. Дьяконов считает, что «поскольку древнеармянский язык не родственен языкам автохтонов Армянского нагорья., ясно, что он занесен сюда извне». В другом месте он пишет, что «первоначальные носители предка армянского языка *пришли* на Армянское нагорье в качестве подвижных скотоводов с подсобным земледелием, не знавших классового общества, а с природой Нагорья и социальными условиями раннеклассового общества *они знакомились у автохтонов, тогда еще не перешедших на армянский язык* (курсив мой, — И. А.)». Авторитетные ученые считают, что древнеармянский народ первоначально сложился в верхнеевфратской долине где-то в первой половине I тысячелетия до н. э. (И. М. Дьяконов). К концу первой половины I тысячелетия до н. э. армянские племена стали, по-видимому, господствующей силой в областях Урарту, завоевавшего в свое время, еще в первой трети I тысячелетия до н. э. некоторые области юго-западного Закавказья, на

значительной части которых в настоящее время и расположена Армянская ССР.

В вопросе о том, откуда в эти области пришли носители протоармянского языка в науке нет единого мнения. Но значительное большинство ученых, учитывая ареальные связи армянского с греческим, германскими, а также с балто-славянскими языками, полагает, что армянский язык был занесен на территорию Малой Азии с Балкан, а возможно из более отдаленных областей.

Проникновение армян в области Закавказья относится, конечно, к относительно позднему времени. Не следует забывать, что крепость Эребуни, название которой идентифицируется с наименованием Еревана, была заложена *не армянами и не армянской*, ни даже урартской земле, а на территории закавказской страны племени Аза, страны, которая в надписи урартского царя называется «землей вражеской» и которая была завоевана урартами в процессе их продвижения в области, где ныне находится территория Армянской ССР.

Еще во времена Геродота армяне населяли только западную часть так называемого Армянского плато. Ксенофонт подтверждает данные Геродота.

По-видимому, условия для продвижения армянской экспансии на Восток и Северо-Восток подготовило падение Персидской державы.

Очевидно, что в период между путешествием Ксенофонта и созданием Оронтидского Армянского государства во II веке до н. э. армяне захватывают контроль над Центрально-Армянским плато и резиденция их государства уже перемещается в Армавир в Араратской долине.

Конечно, завоевательные устремления армян все более усиливались и достигли значительных размеров с созданием армянской государственности. Агрессивность армян, как отмечалось выше, не могла не быть замеченной таким беспристрастным наблюдателем, каким был Страбон.

Итак, уже на заре своей истории армяне, действуя, видимо, согласно своему этническому социально-психологическому характеру (классики марксизма-ленинизма рассматривают этнический характер как реальность), грабят своих соседей, захватывают их земли. Удивительно, что некоторые армянские ученые этот явно завоевательный процесс вопреки очевидности пытаются представить как объединение.

Несмотря на бесспорно пришлый характер носителей собственно армянского языка, в последнее время в Армении все чаще звучат утверждения об «автохтонности» армян и армянского языка на Армянском нагорье и собственно на территории Закавказья. Пишут о том, что

армяне, говорившие именно на армянском языке, и жили в Армении, и говорили на нем «искони».

Подобные разговоры, как это неоднократно было показано, никакого отношения к науке не имеют, являются сущей фальсификацией с целью доказать аборигенность армянского элемента на территории современной Армении и соседних районов.

Любой мыслящий человек не может не видеть, что за короткий отрезок времени армяне, продвинувшись по довольно обширной территории, захватив ее и в какой-то мере ассимилировав ее население, позднее начинают теснить своих новых соседей, уже на территории Закавказья. Несколько позднее, особенно, так сказать, досталось албанам, которых современные армянские авторы готовы переселить чуть ли не на свай в Каспийском море.

Так, во II — I вв. до н. э. была создана так называемая «Великая Армения». При всех условиях не следует забывать, что «Великая Армения» — это не просто Армения, армянская земля, земля, населенная армянами, а земли, захваченные армянскими царями силою оружия у соседей — ближних и даже отдаленных.

Сказанное, очевидно, и было причиной того, что еще Тацит об армянах отзывался весьма отрицательно, что делали и многие выдающиеся представители других народов.

Здесь необходимо отметить одно весьма важное обстоятельство. Армяне приходили на завоеванные ими земли или так или иначе распространялись на них уже как *собственно армяне*. Что же касается ходячего в армянской историографии тезиса о том, что будто бы кочевники-азербайджанцы пришли в области, где они ныне обитают, то этот тезис является чистейшим вымыслом и ложью. Собственно азербайджанцы в обозримом прошлом не приходили в области своего обитания. Сюда в эпоху, так сказать, среднего средневековья вторгались определенные группы тюркоязычного населения, являвшие собою по сравнению с автохтонами абсолютное меньшинство, которое растворялось в местной среде, ассимилировалось аборигенами — албанами и др., позднее воспринявшими тюркский язык. Таким образом, никакие собственно азербайджанцы не приходили в Азербайджан. Тюркоязычная азербайджанская народность возникала, оформлялась в местной среде Азербайджана.

Авторы, писавшие о неизменной на протяжении веков «Великой Армении», базируются на трудах таких раннесредневековых армянских историков, как, например, Павстос Бузанд, Мовсес Хоренаци и др., забывая при этом чрезвычайно важное обстоятельство, а именно то, что картина, нарисованная Павстосом Бузандом или Мовсесом

Хоренаци, отражает не реальную действительность, а «их *собственные* идеалы — единую объединенную Армению, противостоящую угрозе зороастрийской Персии» (курсив мой. — Я. А.) (Н. Гарсоян). Совершенно бесспорно, что эта картина «искажает действительность» (она же), ибо Армения, например, в IV в. «не была единой, не была объединенной» (она же).

Побасенки раннесредневековых армянских авторов относительно величия «Великой Армении», включавшей в себя будто бы чуть ли не всю Кавказскую Албанию, в свое время подхваченные мхитаристом М. Чамчяном, своеобразные великодержавно-шовинистические разглагольствования о «Восточном крае Армении», «Северо-Восточном крае», «Восточном крае», «Армении глубинной», «Агванском крае» (такими эпитетами «награждают» армянские исследователи суверенное Албанское царство), как это ни печально, сознательно поддерживаются и культивируются некоторыми армянскими советскими историками. В армянской литературе все чаще появляются такие определения, как, например, «исконные области Восточной Армении» (т. е. Албания), «неотделимые части Армении», «коренные области Армении», «восточный край Армении» и так далее, что является гигантской целена-

правленной ложью, под стать лжи средневековых армянских историков. Итак, история повторяется.

Эти противоречивые источники (авторы которых исходили из своих корыстных целей), входившие часто в резкое противоречие с данными античных авторов, бывавших иногда современниками описываемых ими событий, нередко лгут, лгут даже в отношении своих кровных братьев.

Наиболее ярким примером сказанного является непризнание армянскими авторами армянских же Евфратских сатрапий, которые самым бессовестнейшим образом представляются как сателлиты Аршакидского царства. Такова версия армянских источников, которые *никогда не признавали их существования*, в то время, как классические источники на это ясно указывают.

Все то, что мы знаем об Армении, свидетельствует о том, что Армению I — IV веков, вопреки ретивым сторонникам величия «Великой Армении», никак нельзя представлять «как религиозное и политическое единство, как топоним с неизменным содержанием, отождествляемый с северным Аршакидским царством». И это говорит не какой-либо антиармянин, а крупный зарубежный арменовед, профессор Колумбийского университета (США) Н. Г. Гарсоян.

Все факты истории Армении указанного

периода относительно хорошо известны исследователям, конечно, и армянским советским историкам. И тем не менее, многие советские арменисты не желают считаться с фактами, конструируют единую, неизменную на протяжении веков «Великую Армению», называя ее «централизованным рабовладельческим государством Великой Армении» (С. Т. Еремян). Совершенно не понятно, как после разгрома Тиграна II римлянами, когда армянский царь лишился почти всего, Армения могла оставаться «централизованной» и «Великой» или «целостным» государством (История армянского народа. Ереван, 1980, стр. 49)?! Это же ведь сущий вздор. Все это мало волнует армянских, всемерно умаляющих и принижающих роль и значение своих соседей. Между прочим, это совсем не ново. Русский чиновник прошлого века (В. Л. Величко) писал, что «армянские меценаты из нефтепромышленников... не упускают случая выдвигать свои исторические «заслуги» и теперешние достоинства *паразитическим способом*, то есть попутно набрасывая тень на соседние с ними народности... (курсив мой. — И. А.)».

В аспекте сказанного интересно проследить своеобразную эволюцию взглядов в армянской историографии по вопросу о правобережных (Албанских) областях. Суждения наших

арменоведов с каждым разом все более ужесточаются, становятся все более агрессивными. Если для Лео, С. Т. Еремяна, А. Г. Сукиасьяна и некоторых других Правобережье Албании — области Арцах и Утик, а также Пайтакаран — Каспиана — это земли собственно Албанские, позднее перешедшие к Армении, то для таких «радикалов» как, например, А. Ш. Миацаканян, который обрушивается на своих предшественников и фальсифицирует факты, названные области — «неотделимая часть Армении», которые будто бы позднее «оказались присоединенные к Агванку (т. е. Албании — *И. А.*)».

Теря историческую перспективу и вопреки фактам и здравому рассудку, А. Ш. Мнацаканян утверждает, например, что удины (древнейшие насельники Кавказской Албании) — это *одно из армянских племен и что родным их языком с незапамятных времен был армянский*. Подобного рода утверждения, хотя и характерны для армянской историографии, абсурдны и не нуждаются в опровержении с точки зрения филолога и историка.

Те, кто считает названные выше албанские области «исконно армянскими», «коренными армянскими» и т. д. разделяют известное положение, гласящее, что «границы героям — их меч».

«Коренными» армянскими, «исконно» армянскими не могли быть, конечно, ни Нахичеван,

ни Карабах, ни другие области Закавказья, ибо собственно армяне сюда пришли в относительно поздний период.

Можно думать, что зона Нахичевана (судя по всему, входившая в Басоропеду) и Прикаспийская полоса (Каспиана—Пайтакаран) были захвачены армянскими царями во II веке до н. э. Однако мы ничего не знаем о том, когда были (говоря словами Страбона) «отрезаны» армянскими царями земли Карабахской и смежной зоны (древн. Арцах, Утик) и были ли они вообще когда-либо в древности «отрезаны».

По всем этим вопросам в самой армянской историографии нет единого мнения. Согласно точке зрения одних, из трех областей Кавказской Албании — Утик, Арцах и Пайтакаран — только Пайтакаран был завоеван во II веке до н. э. армянским царем Арташесом I и был в составе Армении фактически до 338 года, а потом стал албанским, а Арцах и Утик якобы были «исконно» армянскими землями и отошли к Албании только после 387 года. Согласно другой точке зрения, области Арцах и Утик были завоеваны и присоединены к Армении в I в. до н. э. царем Тиграном II, а по договору 387 г. отошли к персам. Согласно третьему мнению, Арцах, Утик, Пайтакаран и Шакашен (Сакасена) были захвачены во II веке до н. э. Арташесом I и оставались в составе Армении до 387 г., а затем

отошли к Албании. Таким образом, по мнению сторонников двух последних точек зрения, упомянутые области *были албанскими и лишь позднее были завоеваны армянскими царями.*

Авторы указанных мнений в основном базируются на данных Страбона, Павстоса Бузанда, Мовсеса Хоренаци и некоторых других. Однако сведения Страбона относятся только к двум из трех упомянутых выше областей. Что касается раннесредневековых армянских авторов, то мы уже отмечали (ссылаясь на авторитетного армениста), что картина, нарисованная ими, искажает действительность.

По-видимому, завоевания Тиграна II албанских земель вообще не коснулись. «Великая Армения» просуществовала с 186 г. до н. э. до 60-х годов н. э. В 66 году Тигран II *вынужден был отказаться от всех своих завоеваний,* за исключением Месопотамии и Кордуены. В документах, освещающих только что названный период, ничего не говорится о завоевании албанских областей армянскими царями. Однако, возможно, что власть армянских царей на правом берегу Куры, где *жили албанские племена,* в какой-то форме, скорее всего временами, эфемерно, распространялась уже во II — I вв. до н. э., что и создавало у некоторых авторов иллюзию того, что это была армянская территория. У отдельных античных авторов зона эта

действительно включается в Армению. Однако, такое положение в лучшем случае могло сохраниться до I в, до н. э. и уже не позднее, чем I век нашей эры (см. ниже). Неупоминание о завоевании названных областей Куринского правобережья, с одной стороны, упоминание этой зоны отдельными античными авторами в составе Армении, с другой, ни в коей мере не может являться доказательством того, что правобережье Куры явилось «исконно» армянской территорией. Этому прежде всего противоречит то, что среди областей правобережья есть Отена-Утик, населенная *албанским* племенем утиев. С другой стороны, Албанское царство в I веке несомненно включало в свой состав правобережные области. Об этом свидетельствует не только албанский, но и армянский историк. Если эти области были бы отвоеваны или завоеваны албанскими царями именно в ту пору, то, несомненно, что это обстоятельство нашло бы хоть какое-то отражение в источниках эпохи. Однако этого на деле нет.

Мы твердо знаем, что земли албанского правобережья *не могли быть включены* в состав Армянского государства в период с 60-ых годов I века до н. э. по IV век н. э. Как известно, уже в I веке до н. э. армянский царь был вынужден признать себя «другом и союзником римского народа», т. е. фактически, вассалом Рима.

Находящаяся до 114 года под верховенством

парфян Армения была от них отторгнута и объявлена в 115 году римской провинцией. В источнике сказано, что римский император Траян «отнял у парфян Армению, лишив ее венца, царство Великой Армении присвоил себе». Вплоть до 185 года в Армении стояли римские оккупационные войска, начальники которых были фактически хозяевами страны.

Против культивируемого некоторыми нашими армянскими коллегами тезиса о полной независимости «Великой Армении» в I — IV вв. свидетельствует и целый ряд других фактов. В указанное время Армения нередко не была единой и не была объединена. И уже поэтому никак нельзя думать, что в ту пору она могла проводить завоевательную политику в отношении своих соседей.

Что касается Албании, то положение ее в I — IV вв., как отмечалось выше, было несравненно лучшим, чем Армении.

Важнейшим событием в политической {повидимому, не только) жизни Албании второй половины I в. н. э. было установление в стране власти Аршакидской династии, которая правила ею с небольшим перерывом до 506 — 510 гг. Приблизительно в то же время парфянский царь Вологез (Валкаш) посадил на армянский престол своего брата Тиридата.

Новый албанский царствующий дом прово-

дит, по-видимому, гибкую политику, укрепляет позиции Албании. Судя по данным *армянских авторов*, подтверждаемыми сведениями албанского историка Моисея Каланкатуйского, албанскому правителю «выпала в наследство Албанская равнина с ее горной частью, начиная от реки *Ерасх* (т. е. Аракс — *И. А.*) до крепости, называемой *Хнаракертом*... Парфянин Валаршак назначает именитого, храброго Арана (легендарный прародитель албан — *И. А.*) правителем... Говорят, от потомков Арана происходят племена — утийцы, гардманцы, цодеды и княжество Гаргарское... (все перечисленные племена албанские — *И. А.*)».

Следовательно, судя по приведенному сообщению, *все правобережье р. Куры от излучины реки Аракс до зоны Акстафа принадлежало уже во второй половине I века Албании*. Именно на этой территории и расположены Арцах, Отена (Утик), Цовдек и Гардман — области исторической Албании. Следовательно, если эти территории когда-либо и были, возможно, захвачены армянскими царями, то уже к I веку н. э. были вновь воссоединены с Албанией.

Итак, положение Албании в I — IV вв. было несравненно лучшим, чем Армении того же времени. Если Траян «отнял у парфян Армению, лишив ее венца, царство Великой Армении присвоил себе», а «иберов, боспорцев и колхов в

римское подданство принял», то «албанам [он] царя дал». Адриан (117 — 138 гг.) имел «с албанами... самые дружественные отношения». Есть бесспорные доказательства того, что в начале II века, когда весь Кавказ был приведен в подчинение Риму, самостоятельной оставалась лишь Албания. В середине I — второй половине III века Албания была настолько самостоятельной и независимой, что албаны могли себе позволить «не принять письма» сасанидского царя царей Шапура I. У нас нет оснований полагать, что положение Албании осложнилось в IV веке.

И все это в ту пору, когда Армения находилась в попеременной зависимости то от Рима, то от Парфии. Конечно, при подобном положении дел так называемая «Великая Армения» не могла вести агрессивную политику по отношению к своим соседям, хотя, возможно, изредка армянские цари и проявляли экспансионистские устремления. Так, по-видимому, было после разгрома Армении, учиненного албанским царем Урнайром, когда последний водрузил «знамя победы внутри Армении». Именно после этого, в 371 году армянский полководец Мушег с помощью римского императора Валента разгромил персов и албан и захватил у последних ряд областей, в числе которых Павстос Бузанд называет Арцах, Утик, Шакашен, Гардманадзор и др. По мнению армянского историка, упомянутые

земли были якобы «*отвоеваны*» у албан, а река Кура сделана была «*границей между [Арменией] и Албанией, как было раньше*».

Мы неоднократно подчеркивали, что так быть не могло раньше. Это противоречит всему тому, что мы хорошо знаем об Албании и Армении первых веков нашего летоисчисления. Если это и бывало, то бывало только эпизодически, временами. Судя по данным не только албанского историка, но и по словам армянского автора Мовсеса Хоренаци, как это отмечалось выше, уже в I веке южная граница Албании проходила по реке Аракс. Граница между Албанией и Арменией, возможно, проходила по Куру «*раньше*» только в отдельные периоды. Однако о длительном (5 — 6 вековом) вхождении, тем более изначальном нахождении этих областей в составе Армении и речи быть не может. Первая точка зрения, высказанная рядом современных (частично — старых) армянских исследователей, как указывалось выше, ни на чем не основана; вторая — восходящая к Павстосу Бузанду и некоторым другим раннесредневековым авторам, как известно, отражает *не реальную картину, а «их собственные идеалы»*. Именно картина IV века (когда Мушег якобы сделал границей между Арменией и Албанией реку Куру, «как было раньше»), нарисованная раннесредневековыми армянскими авторами, как тонко подметила Н. Г.

Гарсоян, «искажает действительность», ибо тогда «Армения не была единой, не была объединенной...».

Павстосу Бузанду, писавшему свой труд в конце V века, когда Армения уже была раздроблена, и разделена между Римом и Ираном, управлялась римскими военачальниками (в западной части страны) и персидскими наместниками (в восточной части) и полностью потеряла свою государственность, было *необходимо* создать иллюзию величия «Великой Армении». Между единой, объединенной Арменией, Арменией периода величия, с областями, которые были основательно завоеваны и вошли в ее состав, и той Арменией, с областями, которые на деле совсем непрочно, эфемерно входили в «Великую Армению» и даже теми из них, на которые по тем или иным соображениям распространялись экспансионистские чаяния и притязания армянских царей — это абсолютно разные единицы. Последняя — вовсе не реальная Армения. Картина эта, как отмечалось выше, отражает *собственные идеалы* Павстоса Бузанда и других раннесредневековых армянских авторов. Примеров подобного рода в армянской историографии немало. Как отмечалось выше, наиболее ярким из числа их является представление об Евфратских армянских сатрапиях, вошедших в орбиту римского влияния

в результате договора 298 года, как о сателлитах армянского Аршакидского царства. Такова версия армянских источников, которые вопреки очевидности никогда не признавали их самостоятельного существования в то время как классические источники на это ясно указывают.

Парадоксально, что (хотя в отличие от сатрапий, в северной Армении (царстве Аршакидов) вплоть до 185 года и стояли римские войска, Аршакидское царство продолжало платить подати Римской империи до 358 года, в то время как сатрапии более чем на столетия раньше получили полный податный иммунитет) армянские раннесредневековые источники утверждают, что сатрапии были только сателлитами Аршакидского царства, находились в зависимости от него и даже были ему подчинены. Конечно, это явная неправда.

Эта такая же неправда, как включение раннесредневековыми армянскими историками в состав несуществующей уже «Великой Армении» зоны Карабаха, Нахичевана и юго-запада Прикаспия.

В 387 году императорский Рим и Сасанидский Иран разделили между собой Армянское царство Аршакидов. По этому договору 3/4 Армении досталось Ирану и 1/4 — Риму.

Из сопоставления данных в наших источниках можно заключить, что вследствие

упомянутого договора за Иберией была закреплена область Гугарк (античная Гогарена), а за Албанией — Арцах, Утик, Пайтакаран.

Если встать на позиции раннесредневековых армянских авторов, в частности Анания Ширакаци, и тех современных армянских исследователей, которые исходят из их данных, то совершенно непонятно, — почему со стороны римлян и персов имело место такое «благодетяние» в отношении Иберии и Албании. Если эти земли были армянскими, то почему, например, персы не забрали их себе. Непонятно также, почему именно Гогарена была отдана Иберии, а Арцах, Ути и Пайтакаран — Албании. Таковое могло иметь место *только при одном условии*, а именно, что *названные области были не армянскими, а являлись иберскими и албанскими*. Что Гогарена была в свое время отнята армянскими царями у иберов — это знал и Страбон.

Совсем неудивительно, что именно названные, а не какие-либо другие области были закреплены за Албанией и Иберией. Это было сделано только потому, что этнически и политически указанные области принадлежали не Армении, а Албании и Иберии. (Если это было бы не так, то едва ли Сасанидский Иран стал бы закреплять их за названными странами; их просто включили бы в состав персидских владений). В 387 году появилась историческая необходимость и

возможность закрепить названные албанские области фактически и юридически за Албанией. Необходимость эта диктовалась очевидно тем, что эти земли бывали объектами экспансионистских устремлений и чаяний армянских Аршакидов.

На основе вышесказанного представляется совершенно несостоятельной точка зрения о длительном, а тем более изначальном нахождении областей Арцах, Утик и Пайтакаран в составе Армении до 387 года. Разумеется, границы Армении и Албании фактически могли меняться и, очевидно, менялись в зависимости от внутри — и внешнеполитического положения этих стран. Но юридически эти области находились и считались в составе Албании и поэтому о них не упомянуто в договорах 66 г. до н. э., 37 г. и 298 г., касавшихся территориальных владений и территориальных изменений Армении. И, по-видимому, как отмечалось выше, только потому, что когда-то, быть может эпизодически, упомянутые области отторгались Арменией, в 387 году появилась необходимость еще раз закрепить за Албанией ее владения и законные права на эти владения — земли, которые испокон веков были албанскими и входили в состав Албании.

Вопреки всем антинаучным измышлениям подавляющего большинства армянских исследователей, пытающихся низвести Албанию до положения восточной окраины Армении,

«Восточного края Армении», «Армении глубинной» и т. д., Албания, Албанское царство, как *самостоятельное, совсем неармянское, совершенно суверенное государство* существовало несмотря на все превратности судьбы.

В Албании была самостоятельная христианская церковь, автокефальный католикосат, свой алфавит, своя богатая литература, албанский этнос и т. д. Именно политический суверенитет Албании обеспечил автокефальность ее церкви. И все это армянские авторы не признают, называя Албанию «Восточным краем Армении» и т. д.

Положение значительно осложнилось в V — VI вв., когда Албания оказалась втянутой в догматическую борьбу (борьба монофизитов и диофизитов). В конце VI — начале VII века в связи с усилением в Закавказье политического влияния Византии албанская церковь совместно с грузинской приняла диофизитство. Армяне сохраняли свою верность монофизитству. Положение еще более осложняется в связи с началом арабского завоевания, византийско-арабским соперничеством в Закавказье. Понимая стратегическое значение Албании, в частности, и стран Закавказья вообще, как плацдарма в борьбе с Византией, Халифат проводил политику отторжения от Византии закавказских стран, политику идеологического разобщения их с Византией.

После завоевания Закавказья арабами в начале VII века, албанская церковь под давлением арабов и при прямом активном содействии армянской церкви порвала с диофизитством. Арабы не могли допустить идеологического единства Албании с Византией.

Небезынтересно отметить в этой борьбе роль армянского католикоса Елии, натравившего арабов на албан.

В результате этой грязной интриги арабы покончили с суверенитетом Албании, а албанская церковь была подчинена армянской. Это и положило начало постепенной деэтнизации албанского этноса. Итак, сбываются самые мрачные предположения... Армяне (в какой уж раз!) начинают теснить уже албан.

Несколько позднее, в условиях потери государственной и церковной самостоятельности, в западных областях Албании — Карабахской зоне, куда постепенно начинают проникать армянские элементы, начинается григорианизация населения, за которой, по-видимому, последовала постепенная культурно-идеологическая ассимиляция, следствием чего была арменизация части населения. Официальным, книжным языком здесь становится, вероятно, армянский. Вероятно, вскоре язык этот начинает превращаться в общеразговорный язык части насельников Карабахской зоны. Однако, невзирая на

распространение армянских элементов, возможно, какое-то их засилье, *полная деэтнизация населения еще не произошла. Жив был албанский дух, албанское этническое самосознание,*

Только этим, именно этим, а также, по-видимому реакцией против армянского засилья объясняется возрождение албанской государственности и албанского католикосата после их падения при арабах. Начиная с первой половины XIII века усиливается авторитет албанского Гандзасарского католикосата. Резиденция католикоса превратилась в духовный и политический центр Хаченского княжества, самодержец которого Хасан Джалал считался не только «самодержавным князем князей, владыкой Хачена», «великим князем Хачена и стран Арцахских», «князем Хачена и Арана», но и «великим окраинодержателем Албании» и «царем Албании».

Период правления выдающегося государственного и культурного деятеля Хасана Джалала (первая половина — середина XIII века) был временем *албанского возрождения*. Развивалось хозяйство, появились новые духовные центры, воздвигались архитектурные сооружения, особенно — величественный Гандзасарский храм.

Что Хачен (Арцах), вопреки утверждениям подавляющего большинства армянских авторов, не являлся никакой не Арменией, не «Восточным

краем Армении», а областью, где просто проявлялось армянское засилье, свидетельствуют несколько обстоятельств. Прежде всего, хорошо известно, что владыки Хачена были *суверенными*, совершенно независимыми от соседних Грузинского царства и Армянского княжества Закарян, последнее из которых само находилось в вассальной зависимости от грузин. Против, так сказать, арменизма Хачена, на все лады перепеваемого армянскими авторами, говорит и то, что нигде, ни в одном источнике о жителях Хачена не говорится как об армянах. Об этом не свидетельствует так же и то, что разговорным языком Хачена мог быть армянский. Известно, что ни англичане, ни французы не говорят на своих древних языках.

Против арменизма Хачена говорят также и возрождение в этой области *албанского этнического самосознания*, попытки Хаченского княжеского дома доказать преемственность между Албанским царством и правящей династией, выражением чего стало дописание знаменитой «Истории албан» Каланкатуйского четырьмя новыми главами, в которых отражены события периода правления Гасана Джалала, и (что чрезвычайно важно!) то, что последний величал себя, наравне с другими титулами, «царем» и «окраинодержателем» Албании.

В период албанского ренессанса Мхитаром

Гошем была написана «Албанская (именно албанская! — *И. А.*) хроника», представляющая собой по замыслу автора, *продолжение албанской истории*, написанной Дасхуранци — Каланкатуйским.

Именно к Хачену относятся слова Гоша «...в стране нашей Албанской...» (а не Армянской! — *И. А.*).

Против армянского характера Хачена свидетельствует и то обстоятельство, что при торжественном освящении главного храма страны — Гандзасарского участвовал *католикос Албании, а не Армении*. Важно отметить, что духовенство Арцаха совместно со светской знатью участвовало во всех албанских церковных соборах, но не армянских. Многие патриархи Албании избирались из представителей арцахского духовенства. Возникшее в Арцахе Хаченское княжество, по словам *И. А. Орбели*, было «частью древней Албании». Все сказанное свидетельствует о бесспорной принадлежности Гандзасара албанам.

Важно, что еще в официальных документах XVIII века живы были такие словоупотребления: «...патриарх святого великого престола Канцесарского (Гандзасарского — *И. А.*) страны Агванские (Албанской — *И. А.*)», «соборный Агванский патриарх святого престола Канцесарского» и т. д.

Итак, Хачен вовсе не «исконно армянская земля», не «Восточный край Армении» и т. д., а область, куда после падения Албанского государства стали постепенно проникать группы армянского населения, постепенно начавшие колонизировать этот край.

Невзирая ни на что, Нагорный Карабах, как утверждают авторитетные ученые, никогда не относился к центрам армянской культуры (И. П. Петрушевский). По существу единственным доказательством армянской принадлежности памятников Карабаха являются армянские надписи на них, но это обстоятельство не может являться доказательством в деле определения их этнической принадлежности. Почти вся средневековая научная и иная литература множества народов Востока писалась на арабском и персидском языках. Вся эпиграфика, надмогильные камни тех же народов писалась на тех же языках. Почти на всем протяжении средневековья научным языком в странах Европы была латынь и т. д. Мало того, известно, что современные французы, англичане, португальцы, египтяне не говорят на своих древних языках, но от этого они не перестают быть французами, англичанами и т. д.

В связи со сказанным небезынтересно привести некоторые из суждений блестящего знатока истории Закавказья И. А. Орбели. Вот что писал

покойный ученый по интересующим нас вопросам: «Выяснение подлинных мотивов усиления армянской христианской пропаганды и «просветительской» деятельности в IX веке в Албании, так странно совпадающего в выборе районов с местонахождением медных рудников, и анализ вещественного да и литературного наследия албанских племен, если не албанского народа, дали возможность поставить вопрос о подлинном культурном лице этого народа, дикость которого так ярко, характеризуется писателями всех национальностей и исповедей, от Тацита до Стефана Орбелиана (XIII в.), поскольку для них для всех Албания — подлежащая колонизации и успешно колонизированная до полного уничтожения национального лица населения территории.

И здесь, в Албании, вскрывается все та же картина и из-под армянской внешности армянских князей все более выпирает наружу подлинное лицо албанских феодалов, теснее связанных с армянской знатью, чем со своим народом и так блестяще подготовивших почву для позднейших колонизаторов — армянских феодалов...»; «Албания потеряла к концу XII в. не только свое имя, она лишилась и значительной части территории, захваченной еще в прежние века, с юга — Арменией...»; «Наиболее южные области, по населению полуалбанские, полуармянские, как

Сюник, отпали уже давно, когда ...армянские феодалы... поставили себе задачу насаждения здесь христианства и закрепления манящих своими высокими естественными качествами районов за высокими «небесными покровителями». Здесь создавались новые монастыри, как и в других захваченных областях, отмечающие на карте местности, по-видимому, действительно «угодные богу», недаром один из таких монастырей на бывших южных окраинах Албании носил выразительное имя «божьей матери па медных рудниках»; «...северной Армении, вернее — захваченных армянскими феодалами южных областей, как нынешний *Нагорный Карабах*»... (курсив мой — *И. А.*) и т. д.

С. Т. Еремян также, без обиняков писал: «Огромное количество христианских памятников, значительная часть которых относится к доарабскому периоду, сохранилось в *арменизированной части древней Албании*, на территории *древнеалбанских областей Арцах* (автономная область Нагорного Карабаха и соседние северо-восточные отроги Малого Кавказа, включая Шамшадилский и Идживанский районы Арм. ССР) и Утик, где в настоящее время в основном живет армянское население (курсив мой — *И. А.*)».

Академиком *И. А. Орбели* и *С. Т. Еремяна* никак нельзя обвинить в незнании фактов и

отсутствии армянского патриотизма. Правда, в последнее время эти положения о первоначально албанском характере областей нынешней НКАО и поздней арменизации ее населения, о чем знали не только ученые, но и просто образованные люди еще в прошлом веке, вопреки очевидности начисто отменяются армянскими ортодоксами при помощи различного рода словоблудия. Но отвести факты им никак не удастся, ибо последние одонтологические исследования еще и еще раз свидетельствуют о том, что собственно армяне на территории Нагорного Карабаха — элемент безусловно пришлый. Вот что сказано в специальном исследовании: «Интересно отметить, что для армян Нагорного Карабаха... самыми близкими по сопоставительной таблице оказываются две группы азербайджанцев и лезгин, а в первом десятке близких по зубной системе групп оказываются все три азербайджанские, кумыки, лезгины, три причерноморские, адыгейцы и лишь одна армянская (курсив мой — И. А.)...

...Со времени заселения армянами Карабахской области они сохранили язык, культуру, религию и этническое самосознание и, по видимому, *ассимилировали и включали в свой состав ближайшие этнические группы, смешавшись с населением закавказской долины, соединяющей два моря*». Авторы сборника, в котором помещена цитированная выше статья,

справедливо полагают, что феногеографические исследования человеческих популяций на базе зубной морфологии являются важным материалом в деле *решения вопросов исторического характера* (см. Этническая одонтология СССР. — М.: 1979, стр. 5—6).

Таким образом, рушится гигантская ложь, измышляемая армянскими историками, начиная с эпохи раннего средневековья вплоть до наших дней.

Итак, резюмирую сказанное выше по вопросу о Нагорном Карабахе.

В армянской историографии уже давно существует точка зрения, согласно которой территория нынешнего НКАО является «неотъемлемой» частью Армении. Она была заложена еще в прошлом столетии деятелями армянской науки и культуры (М. Чамчян, К. Шахназарян, И. Эмин, К. Патканов и др.), но концептуально разработана и закреплена Я. А. Манандяном и особенно С. Т. Еремяном, Именно с этих позиций до настоящего времени выступают все армянские историко-востоковеды.

Сторонники этой точки зрения прибегают ко множеству доводов. Среди них имеются и те, от которых нельзя просто отмахнуться, но имеется и немало совершенно неубедительных построений, основанных на непонимании или даже искажении фактов. Однако всех их объединяет одна

тенденция: все они в той или иной степени служат (прямо или косвенно) для доказательства двух главных тезисов.

1. Территория правобережья Куры (где находится НКАО) в течение почти 600 лет (со II в. до н. э. по IV в. н. э.) входила в состав Армении. За этот период местное (неармянское) население этого региона было настолько арменизировано, что ни этнически, ни в языковом отношении, ни в сфере материальной и духовной культуры не отличалось от армян.

2. На территории правобережья Куры издревле проживало армянское население (в основном в Арцахе). Это армянское население, являясь коренным в НКАО и даже других областях, по настоящее время сохранило этнокультурное единство с армянским народом.

Обращаясь к первому доводу, необходимо отметить, что, если раньше в работах С. Т. Еремяна еще не отрицалось наличие местного, неармянского, а именно удинского (албанского) населения на правобережье Куры, то в его поздних работах и в работах целого ряда его последователей этому населению стали отказывать в праве на его вполне законное существование. Если об этом неармянском населении и приходилось иногда говорить, то делалось это как-то попутно, с оттенком пренебрежения, от него старались поскорее

отделаться разными способами, побыстрее ассимилировать его и заставить перейти на армянский язык, так как это население очень мешало основной концепции. Наиболее выпукло эта тенденция проявилась в работах А. Ш. Мнацаканяна, Ш. М. Смбатяна, А. А. Акопяна и др.

В действительности же расстановка этнических общностей в междуречье Куры и Аракса никак не согласуется с интерпретацией указанных авторов. Основное население этого региона по происхождению, языку и культуре (материальной и духовной) в отличие от пришлых армян было тесно связано с автохтонными кавказскими этническими группами, тысячелетиями обитавшими между Большим Кавказом и Араксом. Наиболее крупным этническим массивом здесь являлись племена, известные еще Геродоту под названием утиев и некоторые другие. Албанские племена утиев занимали довольно значительную территорию междуречья и являлись основным населением провинций Ути (греч. Отена, армянск. Утик) и Арцах. Даже согласно «отцу армянской истории» Мовсесу Хоренаци, поколения Арана — легендарного родоначальника албан, обитали на «северной стороне нашего отечества (т. е. Армении), на границе армянского говора». Эта территория называлась Араном и как раз составляла

междуречье Куры и Аракса: «албанская равнина и горная часть той же равнины, начиная от реки Аракса до крепости Хнаракерт» (позднее — Хунан, у места слияния Куры с Храми). Население Арана, согласно Хоренаци, — это утии, гаргары и цоды (этническая группа, обитавшая в Арцахе), связанные единым происхождением с албанами. Важно, как отмечалось выше, что сама армянская традиция отождествляет исторических албан с современными удинами. Далекie потомки утиев — удины и ныне живут в Азербайджанской ССР. Язык удин — утиев относится к иберокавказской языковой группе, ничего общего не имеющей с индоевропейским армянским языком. Более того, в начале V в. именно на одном из диалектов древнеудинского языка — на языке гаргар — возникла самостоятельная албанская письменность с ее 52 буквами (в армянском — 36), было переведено Евангелие, а затем появилась оригинальная албанская светская и церковная литература. Начиная с этого времени Ути и Арцах являлись центрами политической, экономической и культурной жизни Албанского царства. Столица Албании — Партав (Барда) находилась именно в Ути. По-видимому, этот же самый древнеудинский албанский язык, по сообщениям арабских географов, сохранялся в Арале (Албании) вплоть до X в. и на нем говорило население столицы и ее округа. Само же удинское

население на Правобережной Курс сохранялось еще в конце XIX в. (в селе Сейсулан, ок. нын. Мардакерта). Уже сказанное (это далеко не все аргументы!) достаточно убедительно свидетельствует о том, что тезис об армянстве удинского (албанского) населения Ути и Арцаха не имеет ничего общего с действительными этническими процессами в Албании.

Итак, совершенно бесспорно, что *армяноязычное население нынешней ИКАО* (кроме тех, которые были переселены сюда в XIX веке) — *это потомки арменизированного местного населения — различных албанских племен — утиев, цодов* (ни кто иной, как армянский автор Моисей Хоренский, называет их потомками Арана — прародителя и правителя албан) и др.

Что же касается деэтнизации населения ИКАО и превращения его в армян, то это был сложный и многовековой этнополитический и этнокультурный процесс, который проходил в несколько этапов и имел вполне определенные причины, ни для кого не являющиеся тайной.

Первый этап — григорианизация албанского населения междуречья (в частности, территории нын. ИКАО) — начался по-видимому с X—XII в. Этот процесс не имел внутренних корней, не являлся естественной эволюцией албанской этнической общности. Он был вызван к жизни и тесно связан с политикой Арабского халифата и

армянского католикосата в отношении Албании, когда после известного Партавского собора 704 г. автокефальная албанская церковь была подчинена армянской церкви. В силу вполне определенных политических и других причин григорианизация влекла за собой арменизацию той части населения Албании, которая придерживалась монофизитства. В то же время другая часть населения Албании, принимая ислам, мусульманизировалась, что впоследствии ускорило процесс тюркизации этой части албанского населения. Однако, и в том и в другом случае речь может идти исключительно о культурно-идеологической ассимиляции коренного албанского населения. Особенно это касается горных районов, то есть территории именно НКАО (Хачена, Дизака, Варанды). Все эти процессы достаточно убедительно были рассмотрены в литературе.

Этническая ассимиляция (да и то неполная!) григорианизированного и в значительной степени арменизированного населения горных районов Карабаха произошла позднее. Между прочим, эту известную истину хорошо знали грамотные люди еще в 19 веке. Упомянутый выше В. Л. Величко писал: «Исключение составляли *неправильно называемые армянами жители Карабаха...*, исповедывавшие армяно-григорианскую веру... и *объармянившиеся лишь три-четыре века тому*

назад (курсив мой. — *И. А.*)-». Об этом знал и армянский автор Б. Ишханян («Народности Кавказа». Петроград, 1916). Он писал: «Армяне, проживающие в Нагорном Карабахе, частью являются аборигенами, потомками древних албанцев..., а частью беженцами из Турции и Ирана, для которых азербайджанская земля стала убежищем от преследований и гонений».

О первоначально албанском характере областей нынешней НКАО, о более поздней арменизации ее населения, как было сказано выше, писали такие великие знатоки проблемы, как академики И. А. Орбели, С. Т. Еремян и др.

Так называемые армяне Карабаха еще совсем недавно помнили свое происхождение.

Кстати, так называемые армянские мелики Карабаха в своих письмах русскому царю называли себя «наследниками Аршакидских и *Албанских* (курсив мой. — *И. А.*) царей».

Весьма интересно, что армянский автор XVII в. Аракел Тавризский именует Карабах «Страною Агванов (т. е. албан)».

Из всего сказанного выше следует неоспоримый вывод, что так называемые армяне Карабаха и собственно азербайджанцы (являвшиеся потомками албанского населения) Северного Азербайджана являются единоутробными братьями. И те и другие — это совершенно бесспорно прежние албаны. Так называемые

армяне Карабаха григорианизировались и арменизировались, а нынешние азербайджанцы в свое время приняли ислам и тюркизировались.

На территории Карабаха с середины XVIII до начала XIX века существовало весьма сильное *азербайджанское Карабахское ханство с супрематией азербайджанцев* — «мусульман», которые жили в мире и согласии с армянами (точнее — прежними, так сказать, вчерашними албанами) и вместе с ними мужественно боролись против иноземных захватчиков. В ту пору в Карабахе собственно азербайджанское население вне всякого сомнения превалировало над так называемым армянским. По официальным данным 1810 года, в «Карабахском владении» жителей было до 12 тысяч семейств в числе которых находилось 2500 армянских семейств (см. Присоединение Восточной Армении к России, т. I. — Ереван, 1972, стр. 562)

Что касается «армянских» меликов Карабаха, то это были по существу вчерашние албаны. Недаром ни одна из фамилий карабахских меликов не восходила к знатным (нахарарским) армянским родам. Это были несомненно местные, неармянские по своему происхождению феодалы.

Карабах был присоединен к России не как армянская земля, а как чисто «мусульманское» владение. Это засвидетельствовано в официальных документах того времени.

В 20 — 30-ые годы, в годы русско-иранских, русско-турецких войн карабахские полки, состоящие из азербайджанцев, покрыли себя неувядаемой славой. Известна похвальная ода Пушкина, посвященная мужественному Фараджулла беку.

Значительное численное увеличение армянского элемента, более или менее полная арменизация Нагорного Карабаха произошла позднее. Еще в конце первой четверти XIX века армяне в Карабахе составляли абсолютное меньшинство. По данным «Описания Карабахской провинции, составленного в 1823 г. действительным статским советником Могилевским и полковником Ермоловым (Тифлис, 1866)» в Карабахском ханстве было 90000 жителей, имелся один город и несколько более 600 сел, из коих всего лишь 150 армянских. В Шуше проживало примерно 1048 семей, состоящих из азербайджанцев и 474 — армян. В деревнях соответственно: 12902 и 4331.

И все это после того, как Надир шах (30-ые годы XVIII века) жестоко расправился с азербайджанскими платами Карабаха, которые были переселены в Хорасанский вилайет Ирана.

Значительное увеличение армянского населения Карабаха последовало за присоединением Закавказья к России после 20-х годов XIX века.

После победоносного завершения русско-иранских и русско-турецких войн в 20 — 30-ые

годы XIX века в Закавказские области хлынули десятки тысяч армян из Ирана и Турции, что было предусмотрено Туркменчайским мирным договором, заключенным между Россией и Ираном. Отсев, например, из Южного Азербайджана был настолько заметен, что в официальном документе того времени прямо сказано: «...население области Аддербиджанской приметно уменьшилось».

Как свидетельствуют официальные документы, наиболее значительные массы армянского населения поселялись именно в Карабахе, ибо, когда, например, более 5 тысяч армянских семей приблизилось к Араксу, Армянское областное правление, ссылаясь на недостаток хлеба, сообщило, что оно «не может дать нужной помощи прибывающим переселенцам», вследствие чего «большая часть переселенцев, особенно переселенцев беднейших» отправилась в Карабах, где они могли «быть во всем обеспечены».

Только в те годы в области Закавказья, в частности, Карабах по самым скромным подсчетам переселилось более 130 тысяч армян. По другим данным, число этих переселенцев значительно превышало 200000 человек (И. И. Шавров. Новая угроза русскому делу в Закавказье: предстоящая распродажа Мугани инородцам. СПб., 1911, стр. 59 и др.). Армяне переселялись в

эти области и позднее (там же). Осведомленный автор пишет: «Широко используя ложесвидетельство, армяне из безземельных пришельцев захватили огромные пространства казенных земель» (там же). Известны почти все селения, где поселились эти репатрианты. Расселение их именно в районах Нагорного Карабаха объясняется тем, что там уже столетиями жили их единоверцы — арменизированные потомки албанского населения междуречья Куры и Аракса.

«Армяне, - пишет А. С. Грибоедов, - большею частью поселены на землях помещичьих мусульманских». Он же пишет, что переселенцы «...теснят мусульман, которые все ропщут и основательно». Заключая свою записку, А. С. Грибоедов писал о внушениях, «которые должно делать мусульманам, чтобы помирить их с нынешним их отягощением, которое не будет долговременным, и искоренить из них опасение насчет того, что армяне завладеют навсегда землями, куда их на первый раз пустили». К сожалению, великий писатель ошибался.

Небезынтересно отметить, что в 1978 году в Мардакерте был установлен памятник в честь 150-летия вселения армян в этот район Азербайджана. Не менее интересно и то обстоятельство, что армяне, действуя как настоящие фальсификаторы от истории, соскоблили с памятника цифру 150.

Можно подумать, что они этим могут обмануть общественное мнение!

Все сказанное происходило совсем недавно, почти на наших глазах. Карабахская земля приютила десятки тысяч зарубежных армян, которым грозило физическое истребление. Позднее Советская власть дала им автономию. *Итак, на территории, которая ныне входит в состав НКАО, никогда вплоть до XIX века не было сколько-нибудь значительного армянского этнического массива.*

При мусаватском правительстве Карабах всецело входил в состав Азербайджана. Вековая экономическая и культурная связь Карабаха с другими областями Азербайджана, в частности, с Баку, и полная оторванность от Армении, от Еревана, были причиной того, что армянское крестьянство Карабаха на своем съезде в 1919 году высказалось за полное единство с Азербайджаном и решило примкнуть к Азербайджану (ПААФ, ф. 1, оп. 1, д. 11, лл. 91 — и).

Пользуясь чрезвычайно сложным внешне-политическим положением молодой Азербайджанской Советской республики, которой угрожали империалисты Запада, дашнакская Армения и меньшевистская Грузия организовывали провокации на границах, поддерживали разгромленные силы буржуазной контрреволюции

Азербайджана. В этих условиях в переговорах с правительством Советской России дашнакская Армения домогалась передачи ей Карабаха и Зангезура.

В противовес политике национального антагонизма, проводившейся дашнаками и мусаватистами, коммунисты Карабаха и всего Азербайджана считали, что экономические условия, связывающие его с Азербайджаном, определяют сохранение Карабаха в составе Азербайджана.

В докладе ЦК РКП (б) В. И. Ленину 22 мая 1919 года А. И. Микоян сообщал: «Дашнаки — агенты Армянского правительства добиваются присоединения Карабаха к Армении. Но это для населения Карабаха значило бы лишиться источника своей жизни в Баку и связаться с Эриванью, с которой *никогда и ничем не были связаны* (курсив мой. — И. А.). Армянское крестьянство на пятом съезде решило признать и примкнуть также к Азербайджану» (ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 461, оп. 1, док. № 45252, л. 1). И все это в период господства мусаватистов, после того как в результате преступной войны, развязанной империалистическими агентами, Карабах был залит кровью, и несмотря на потуги и провокационный лозунг дашнаков «Великая Армения от моря до моря». К слову, отряды Андраника истребили множество

азербайджанских семей в зоне Карабаха.

Решение остаться в составе Азербайджана было вынесено и коммунистами Карабаха в августе 1919 г. В письме председателя Азревкома Н. Н. Нариманова, а также Б. Мдивани, А. И. Микояна и А. Нуридзяна народному комиссару иностранных дел Г. В. Чичерину в Москву и Г. К. Орджоникидзе во Владикавказ говорилось: «Что же касается якобы спорных Зангезура и Карабаха, уже вошедших в состав Советского Азербайджана, категорически заявляем, что эти места бесспорно и впредь должны находиться в пределах Азербайджана» (ЦГАОР Азерб. ССР, ф. 410, оп. 2, д. 69, лл. 181 — 187).

К этой точке зрения всецело присоединился и Г. К. Орджоникидзе. В его записке, переданной по телефону Г. В. Чичерину, говорилось: «Азербайджан настаивает на немедленном и безоговорочном присоединении Карабаха и Зангезура; по-моему, это необходимо проделать, так как оба уезда экономически тяготеют к Баку и совершенно отрезаны от Эривани...» (Архив МИД СССР, д. 56822, л. 90). Резюмируя свои доводы, Г. К. Орджоникидзе писал: «Мое мнение — Карабах и Зангезур немедленно присоединить к Азербайджану и... объявить автономию этих областей...» (там же).

Основное содержание этой записки соответствовало телеграмме, направленной Г. К.

Орджоникидзе 19 июня 1920 г. из Владикавказа В. И. Ленину и Г. В. Чичерину. В телеграмме говорилось: «В Карабахе и Зангезуре провозглашена Советская власть и обе упомянутые территории считают себя частью Азербайджанской Советской республики... Вообще, по моему мнению, следовало бы вызвать в Москву представителя Азербайджана и вместе с ним разрешить все вопросы, касающиеся Азербайджана и Армении. И это надо сделать до подписания договора с Арменией» (Архив МИД СССР, д. 54882, л. 20). Эту же мысль Г. К. Орджоникидзе высказывал в отправленной 16 июля 1920 г. телеграмме В. И. Ленину, И. В. Сталину и Г. В. Чичерину (там же, д. 56882, л. 42).

Победа Советской власти в Азербайджане в апреле 1920 года спасла и трудящихся Карабаха от новых страшных злодеяний дашнаков и мусаватистов.

Трудящиеся Нагорного Карабаха под руководством коммунистических ячеек приступили к организации ревкомов, к установлению Советской власти на местах. Руку братской помощи трудящимся Нагорного Карабаха вскоре протянули части XI Красной Армии.

Вопрос о Нагорном Карабахе неоднократно обсуждался Кавбюро ЦК РКП (б), в Закавказском Краевом Комитете партии, а также в ЦК АКП(б).

Бюро ЦК АКП(б) 10 июля 1920 г., специ-

ально обсудив вопрос о положении в Карабахе, отметило, что еще до победы Советской власти «коммунисты Карабаха находили необходимым его присоединение к Азербайджану... ввиду экономических условий, тесно связывающих Карабах с Азербайджаном» (Партархив Института истории партии при ЦК КП Азербайджана, ф. 1, оп. 74, д. 10, лл. 12, 13). На заседании было подчеркнуто также, что «армянское крестьянство (Карабаха. — И. А.) не хочет входить в состав Армении...», что «главная опора дашнаков — *турецкие беженцы*, которые все время питались *англо-американским капиталом* (курсив мой. — И. А.)» (там же).

Благоприятные условия для разрешения вопросов национально-государственного размежевания между двумя советскими республиками создала победа Советской власти в Армении в ноябре 1920 года. В телеграмме председателю революционного комитета Армении С. Касьяну В. И. Ленин 2 декабря 1920 г. писал: «Приветствую в лице Вас освобожденную от гнета империализма трудовую советскую Армению. Не сомневаюсь, что вы приложите все усилия для установления братской солидарности между трудящимися Армении, Турции, Азербайджана» (В. И. Ленин. Поли, собр. соч., т. 42, стр. 54).

В декларации главы правительства Советского Азербайджана Н. Н. Нариманова от 1

декабря 1920 г. говорилось, что «отныне никакие территориальные вопросы не могут стать причиной взаимного кровопускания двух вековых соседних народов: армян и мусульман» (см. газ. «Коммунист» № 178, 2 декабря 1920 г.). В декларации было подчеркнуто, что «...трудовому крестьянству Нагорного Карабаха представляется полное право самоопределиться» (там же).

Вопрос о Нагорном Карабахе был рассмотрен и на Политическом и Организационном бюро ЦК АКП(б) 27 июня 1921 г. Политическое и Организационное бюро ЦК АКП(б) не согласилось с предложением представителя Советской Армении А. Бекзадяна и отметило, что данный вопрос Должен быть решен с учетом «...безусловного экономического тяготения Нагорного Карабаха к Азербайджану...» (там же, ф. 1, оп. 74, д. 123, л. 88). Политическое и Организационное бюро ЦК АКП(б) в то же время указало, что предложение «отделить местности с армянским и тюркским населением соответственно к Армении и Азербайджану, с точки зрения административной и экономической целесообразности...», считать неприемлемым» (там же).

Учитывая определившиеся разногласия в решении вопроса о Нагорном Карабахе, Пленум Кавбюро ЦК РКП (б) 5 июля 1921 г. при участии члена ЦК РКП (б) И. В. Сталина и членов

Кавбюро Г. К. Орджоникидзе, Ф. И. Махарадзе, С. М. Кирова, Н. Н. Нариманова, А. Ф. Мясникова, А. Назаретяна, М. Орахелашвили, Ю. П. Фигатнера рассмотрел этот вопрос. В принятом решении указывалось: «Исходя из необходимости национального мира между мусульманами и армянами и экономической связи Верхнего и Нижнего Карабаха, его постоянной связи с Азербайджаном,— Нагорный Карабах оставить в пределах АССР (Азербайджанской ССР. — И. А.), предоставив ему широкую областную автономию с административным центром в г. Шуше, входящим в состав автономной области» (там же, ф. 1, оп. 125, д. 107, л. 107).

Сущей ложью является утверждение отдельных армянских деятелей о том, что НКАО в 1923 году была включена в состав Азербайджанской ССР «волею Сталина». Вопрос этот в принципе был решен еще в 1921 году, когда И. В. Сталин, не бывший тогда еще генсеком, не имел существенного влияния на ход событий. Теперь стало модно валить все невзгоды на Сталина.

20 июля 1921 года Политическое и Организационное бюро ЦК АКП(б) постановило создать комиссию для разработки Конституции Карабаха (там же, ф. 1, оп. 125, д. 107, л. 68).

Кавбюро поручало ЦК АКП(б) определить объем автономии Нагорного Карабаха с последующим утверждением Кавказским бюро

ЦК (там же). В соответствии с решением Кавказского бюро ЦК РКП (б) в Карабах были направлены руководящие работники АКПб) — А. Г. Караев (народный комиссар по военноморским делам), Л. Мирзоян (председатель АСПС) и другие. По возвращении в Баку Л. Мирзояном был представлен в ЦК АКПб) и Кавбюро ЦК РКП(б) доклад, согласованный с А. Г. Караевым, выразившим согласие с его основными положениями (там же, ф. 1, оп. 74, д. 123, лл. 100—110). Как отмечал в этом докладе Л. Мирзоян, на двух участковых съездах, проведенных им, «чувствовалось, что *нет в крестьянских массах карабахского вопроса*, а есть целый ряд мелких практических вопросов, которые не разрешены, или неправильно разрешаются. *Карабахский вопрос*, — это мое глубокое убеждение, *создан и создается с одной стороны нашими партийными и советскими верхами, а с другой — некоторыми националистически настроенными интеллигентами — армянами...* (Курсив мой.— И. А.)» (там же). Л. Мирзоян подчеркивал: «Нет карабахского вопроса в чистом виде. Армянский крестьянин говорит, что он без тесной связи с Баку и Агдамом жить не может и что ему нужно только обезопасить дорогу в низменную часть и дать возможность культурно развиваться» (там же). Л. Мирзоян высказывал предположение о

целесообразности выделения Нагорного Карабаха «в самостоятельную административную единицу с центром в Ханкендах, непосредственно подчиненную центру — Совнаркому и АзЦИКу, а в партийном отношении — ЦК АКП» (там же).

Следует отметить, что сам процесс образования автономии Нагорного Карабаха протекал в сложных условиях. Против этого выступала националистически настроенная часть *армянской интеллигенции* как в самом Карабахе, так и в Армянской ССР. Непонимание значения данного вопроса проявляли и некоторые руководящие работники Советского Азербайджана. Во время обсуждения данного вопроса на заседании Политического и Организационного бюро ЦК АКП (б) 26 сентября 1921 г. было принято большинством голосов решение: «Просить Кавбюро пересмотреть свое решение о выделении Нагорного Карабаха в автономную единицу; впредь до этого автономию не объявлять» (там же, оп. 74, д. 140, л. 119).

Вопрос о создании автономии Нагорного Карабаха был рассмотрен 14 декабря 1922 г. на заседании Пленума Закрайкома РКП (б). Несмотря на возражения со стороны ряда работников, Закрайком, исходя из постановления Кавбюро ЦК РКП(б) от 5 июля 1921 г., принял решение: «...образовать при Совнаркоме АССР специальный Комитет по делам Нагорного

Карабаха с правом непосредственного вхождения в ЦК АКП(б)» (там же, оп. 85, д. 215, л. 141). Комитет по делам Нагорного Карабаха предполагалось создать и в Шуше.

В соответствии с этим решением и постановлением Президиума ЦК АКП(б) от 15 декабря 1922 г. была образована Центральная комиссия по делам Нагорного Карабаха при СНК Азерб. ССР и был утвержден Комитет по делам Нагорного Карабаха во главе с А. Каракозовым (там же, оп. 74, д. 129, л. 164 и л. 180). Соответствующее решение было принято и Советом Народных Комиссаров Азерб. ССР (там же, оп. 85, д. 249, л. 423).

К лету 1923 г., обстоятельно ознакомившись с положением на местах, Комитет по делам Нагорного Карабаха под председательством А. Каракозова представил проект разрешения Карабахского вопроса. Рассмотрев этот проект, Президиум ЦК АКП(б) 20 июня 1923 г. под председательством С. М. Кирова постановил: «считать необходимым выделить Карабах, как нагорный, так и низменный в одну административную единицу» (там же, оп. 44, д. 132, л. 110).

В конце июня 1923 г. состоялся Пленум Закрайкома ВКП(б), вновь обсудивший вопрос о Карабахе на основании заключения комиссии в составе А. Г. Караева (председатель), И.

Довлатова, Л. Мирзояна и др. Закрайком принял решение о выделении Нагорного Карабаха в автономную область. Об этом свидетельствует и постановление Президиума ЦК АКП(б) от 1 июля 1923 г., гласившее: «Предложить АзЦИКу декретировать (от имени Президиума) автономию Нагорному Карабаху, создав из него Автономную Карабахскую область с центром в Ханкендах с Исполнительным Комитетом во главе» (там же. оп. 74, д. 132, л. 145 об.). В постановлении указывалось, что впредь до образования Исполнительного Комитета Автономной Карабахской области, для управления ею создать Ревком в составе 5 членов и образовать областной партийный комитет.

7 июля 1923 г. был издан декрет АзЦИКа «Об образовании автономной области Нагорного Карабаха». Образование Нагорно-Карабахской автономной области в составе Азербайджанской ССР было ярким проявлением ленинской национальной политики и имело важное значение для дальнейшего укрепления дружбы братских азербайджанского и армянского народов. Вместе с тем создание автономии Нагорного Карабаха открыло перед ним широкие пути всестороннего удовлетворения потребностей экономического развития, подъема материального благосостояния населения, удовлетворения его культурных нужд на родном языке.

В Нагорном Карабахе были проведены многочисленные митинги и собрания трудящихся, на которых принимались постановления, горячо одобрявшие автономию Нагорного Карабаха. В резолюции одного из таких собраний приветствовались правильные шаги Советской власти по решению национального вопроса. По вопросу же автономии Нагорного Карабаха в резолюции собрания говорилось: «...считаем автономию Карабаха братством крестьян армян и мусульман, которая даст возможность культурно и экономически развиваться и впоследствии, тесно связавшись друг с другом, стать активными участниками строительства Советской власти» (Партархив Института истории партии при ЦК КП Азербайджана, ф. 1, оп. 169, д. 249, лл. 33—41,45).

Характеризуя значение создания автономии Нагорного Карабаха, первый секретарь ЦК АКП(б) С. М. Киров в своем выступлении на VI съезде АКП(б) в 1924 г. говорил: «...Этот вопрос мы в конце концов разрешили и, несомненно, сделали совершенно правильное дело. *Не подлежит никакому сомнению, что перерешить в основном этого вопроса нам не придется* (курсив мой. — И. А.)».

Итак, «карабахский вопрос» был решен положительно, в пользу армянского населения Карабаха. Однако, к великому сожалению, никто и не подумал о том, что в соседней Армении

компактно проживает множество десятков тысяч азербайджанцев (значительно больше, чем армян в Нагорном Карабахе!), которым тоже следовало бы предоставить автономию.

В братской семье трудящихся Азербайджана и всех советских народов трудящиеся Нагорного Карабаха за годы Советской власти добились значительных успехов в хозяйственном и культурном строительстве.

Несмотря на сказанное, «карабахский вопрос» всплыл и, кажется, не в последний раз и осенью 1945 года. Тогда бывший первый секретарь ЦК Компартии Армении Арутинов внес на рассмотрение ЦК ВКП(б) предложение о включении Нагорно-Карабахской области в состав Армянской ССР. В письме по этому поводу Арутинов утверждал, что Нагорно-Карабахская автономная область примыкает к территории Армении, что вхождение Нагорного Карабаха в состав Армении «намного способствовало бы развитию его и улучшило бы руководство хозяйством», что вхождение Нагорно-Карабахской области в Армению дало бы возможность местным кадрам продолжать высшее образование на родном языке в вузах Армении. С другой стороны, Армянская ССР могла бы получить пополнение кадров из Карабахской области. В заключении Арутинов ссылался на «желание населения Нагорного Карабаха», хотя никакого

опроса населения по этому поводу не производилось (Партархив Института истории партии при ЦК КП Азербайджана, ф. 1, оп. 169, д. 249, л. 2). Методы старые.

По получении письма Арутинова, бывший секретарь ЦК ВКП (б) Маленков направил запрос бывшему первому секретарю Азербайджана Багирову с просьбой сообщить его мнение по поводу предложения ЦК КП(б) Армении. Отвечая на этот вопрос, Багиров высказался против приведенных в письме Арутинова доводов, но в заключение заявил о согласии на включение Нагорно-Карабахской автономной области (за исключением Шушинского района, населенного азербайджанцами) в Армянскую ССР, при условии включения в состав Азербайджанской ССР трех районов Армянской ССР, примыкавших к Азербайджану и населенных преимущественно азербайджанцами (там же, лл, 3—6а).

Было совершенно очевидно, что бывший руководитель партийной организации Армении, возбуждая вопросы о перекройке исторически сложившихся границ союзных республик, автономных областей Закавказья, пошел **на** поводу у националистически настроенных элементов. Не случайно, Центральный Комитет ВКП(б) и Советское правительство оставили письмо Арутинова без последствий.

Весь пройденный за годы Советской власти

Нагорно-Карабахской автономной областью путь наглядно показывает, насколько правильно и мудро был разрешен в свое время вопрос об автономии Нагорного Карабаха, на протяжении всей своей истории жившего одной жизнью с Азербайджаном и успешно развивающегося в братской семье трудящихся Азербайджана.

Вопросы развития народного хозяйства и культуры Нагорного Карабаха всегда находились в центре внимания партийных и советских органов Азербайджанской ССР, видящих в этом важный залог укрепления дружбы и братства между народами.

Хотя решение Карабахского вопроса Советской властью, создание автономии Нагорного Карабаха, представляет яркий образец осуществления ленинской национальной политики, а успехи во всестороннем развитии Нагорно-Карабахской автономной области очевидны, отдельные националистически настроенные элементы все еще не оставляют своих надежд перерешить вопросы, решенные при жизни нашего великого вождя В. И. Ленина.

Печально, что эта автономия НКАО, как правильно отмечал в своем письме в президиум ЦК АКП(б) один из секретарей Карабахского обкома партии в 1925 году, своеобразно преломлялась «в головах не только работников с мест», сводясь с/с *понятию полной*

независимости», но «даже центра» и заключалась «в сверхосторожном» этого центра «отношении к делам Карабаха».

Каждый раз «карабахский вопрос» поднимался извне, со стороны руководства Армянской ССР, вмешивавшегося таким образом во внутренние дела суверенной республики, которая, кстати, ни разу не поднимала вопроса о судьбах азербайджанского населения, сплошной массой проживающего на территории Армении, хотя азербайджанцев там было (теперь уже — нет, около двухсот тысяч азербайджанцев бежало с насиженных мест) в полтора раза больше, чем армян в НКАО.

Удивительно, что «вопрос» этот поднимался обычно тогда, когда руководителям Армении по тем или иным причинам было выгодно отвлечь внимание общественности от насущных дел.

И на сей раз «вопрос» этот вновь поднят извне З. Балаян, С. Капутикян и другие, поджигательским печатным и устным словом вмешиваясь во внутренние дела нашей республики, требуют присоединения НКАО к Армении.

Излюбленная провокаторами политика, заключающаяся в старом «ой, наших бьют», часто, очень часто помогала армянам. Политика и ныне остается прежней. Было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускорению социально-экономического развития

НКАО Азербайджанской ССР в 1988—1995 годах». Но этого кое-кому мало. И они кричали во всю мочь и ждали XIX Партийной конференции, в надежде, как писала недавно С. Капутикян в газете «Советский Карабах» (29.05. 1988 г.), что «...ваше и наше справедливое требование не останется без ответа, что Вы обретете более широкие правовые возможности всецело соединиться с матерью Арменией...» и т. д.

Много неприятных эксцессов, связанных с территориальными вопросами, было и в период празднования 150-летия присоединения так называемой «Восточной Армении» к России, когда на страницах армянской и союзной печати появлялись незрелые в политическом отношении и вредные для дела дружбы народов заявления ответственных деятелей Армянской ССР. Красноречивым примером является упомянутая выше беседа с Председателем Совета Министров Армянской ССР.

В последнее время наиболее злостным и бесстыдным проявлением националистической идеологии и армянского шовинизма был пресловутый «Очаг» З. Балаяна. И уже совсем последним — интервью акад. А. Аганбегяна, данное им в Париже. Встреча состоялась не где-либо в рабочей среде Парижа, а в аудитории, состоящей в основном из националистически и шовинистически настроенных, классово чуждых

нам, расходящихся с нами «в политических и философских взглядах» (так сказано в заметке, опубликованной в газете «Юманите») буржуазных элементов и духовенства, что само по себе не делает чести советскому ученому.

А. Аганбегян на этой встрече, идя на поводу у аудитории, безответственно высказал «свою личную точку зрения» о положении дел в Закавказском регионе, о котором у академика весьма поверхностные и туманные представления.

Вместо того, чтобы урезонить провокаторов, А. Аганбегян, отвечая «на заданные вопросы в отношении Карабаха и Нахичевана, как о бывших армянских землях, присоединенных к Азербайджанской республике», сказал: «Я был бы рад узнать, что Карабах, расположенный на северо-востоке республики (! — *И. А.*), стал армянским. Как экономист я считаю, что он более связан с Арменией, чем с Азербайджаном. Я представил одно предложение по этому поводу. Я надеюсь, что в условиях перестройки, демократии эта проблема найдет свое решение».

Трудно сказать, чего больше в этом интервью — аполитичности, безответственности, незнания, намеренного и злостного искажения фактов и обстоятельств, или просто желания угодить бесноватой «Ассоциации бывших армянских бойцов», подладиться к ее духу и чаяниям. Вероятно, всего, так сказать, понемногу.

Как «политик» он проявил свою полную аполитичность. Как экономист А. Аганбегян проявил свою полнейшую неосведомленность в той области, где он делает, так сказать, погоду. Знания же академика по истории близки к представлениям обывателя. И, наконец, кто позволил А. Аганбегяну так бездумно торговать землей, вовсе не являющейся принадлежностью Армянской ССР, и так возмутительно, по антипартийному спекулировать «перестройкой и демократией»? Перестройка и демократия — вовсе не вседозволенность! Все то, что делали и делают аганбегяны, балаяны, капутикяны, демирчяны и др. — это прямой подкоп под ленинскую национальную политику нашей партии, это вызов самой памяти Б. И. Ленина. И здесь явно видна рука не только Еревана. Если прежде мы говорили о «карабахской политике английского империализма», то теперь мы с полным основанием можем говорить о «карабахской политике международного империализма», империализма, с которым смыкаются и братаются всякого рода отщепенцы из Армении и НКАО.

Попытка перекройки границ — это по существу стремление столкнуть народы. Кто поступает так, тот сеет межнациональную рознь и вражду.

В последней декаде февраля с. г. в практике

международных отношений произошел беспрецедентный для Страны социализма случай. Группа антисоветских элементов из партийного и советского руководства НКАО, руководимая из Еревана и из-за рубежа, повела за собою все обманутое армянское население золы. Эта, с позволения сказать, элита действовала по законам джунглей. Это был настоящий силовой нажим на государственное руководство. Плоды этой безумной авантюристической политики налицо.

Весь этот националистический и шовинистический шабаш в НКАО спровоцирован был Ереваном, армянским руководством, идущим на поводу у зарубежного армянского и неармянского лобби. Весь «сценарий» был хорошо продуман, ибо готовился он не один год. Улицы Еревана были заполнены десятками тысяч хорошо организованных митингующих, требующих присоединения НКАО к Армении. Сильва Капутикян, Зорий Балаян и другие националисты показали свое истинное лицо.

Несмотря на очевидную несостоятельность притязаний на территорию Азербайджана, многолетняя злобная психологическая обработка общественного мнения через средства массовой информации, псевдонаучные «труды» сделали свое дело, что и привело к грубым извращениям в интернациональном воспитании трудящихся, молодежи Армении и армянского

населения Нагорного Карабаха. Сказанным формировалось у них чувство «национальной ущемленности» в связи, якобы, с несправедливым решением Карабахского «вопроса». Всем этим подогревались националистические чувства и внушались агрессивные идеи в отношении соседнего Азербайджана. Плоды этой антисоветской политики теперь пожинаем все мы. Напряженность увеличивалась с каждым днем.

Ультимативность и необоснованность требований, развязанная шумная пропагандистская кампания с целью обвинить азербайджанцев во всех трудностях и проблемах области, создавшихся вследствие общего сползания страны в предкризисное положение в результате командно-административного управления и застойных лет, вызывали у азербайджанского народа справедливое чувство негодования и протеста.

Убийство азербайджанцев в Аскеране, массовые изгнания азербайджанского населения из Армении, поджог и насилие, сопровождавшиеся откровенными и циничными фактами насилия, психологического шантажа еще более дестабилизировали обстановку в республике.

Этому способствовали провокационные слухи из Армении о том, что вопрос об НКАО якобы уже решен и что область вскоре будет передана Армянской ССР, В этой чрезвычайно

накалившейся не по нашей вине ситуации произошли трагические события в Сумгаите. В город, чрезвычайно больной экологически, переполненный поселенцами «спецконтингента» (осужденными), задыхающийся от катастрофической нехватки жилья, направились потоки беженцев из Армении. Многодневные митинги в Ереване, рассказы очевидцев о притеснениях и насилии по отношению к азербайджанцам, проживающим в Армении, привели к тому, что группе деклассированных элементов, не имеющих никакого отношения к азербайджанскому народу, удалось спровоцировать часть молодежи на общественные беспорядки, а самим в этой неуправляемой обстановке совершить разбойные дела. Следует сказать, что среди убийц был и армянин по национальности, убивший пятерых армян. Весь азербайджанский народ клеймил как тех, кто участвовал в этих преступлениях, так и тех, кто фактически подготовил «сценарий событий».

К сожалению, трагические события, происшедшие в Аскеране и Сумгаите, не отрезвили головы экстремистов и националистов. Даже после решения Президиума Верховного Совета СССР, отвергшего территориальные притязания Армении к Азербайджану как несостоятельные с исторической и иных точек зрения, несправедливые с точки зрения Конституции

СССР и не отвечающие интересам укрепления дружбы между народами СССР, они продолжали и продолжают свою провокационную деятельность. Сильва Капутикян печатает свою провокационную, антисоветскую стряпню в эмигрантской газете, Зорий Балаян и др. националисты с пеной у рта требуют присоединения НКАО к Армении, Серо Ханзадян, депутат и Герой Социалистического Труда, истерически кричит, что «не будет Карабаха — не будет перестройки».

Все это неизбежно приводит к вспышке новых актов насилия, когда эмоции берут верх над разумом.

Армяне научили и нас митинговать и даже — бастовать. Терпению пришел конец. Сказанное естественно.

Не могут не вызывать возмущения многочисленные статьи; печатаемые в Ереване, НКАО, которая вышла из-под власти республиканских органов. Ничему иному, кроме как разжиганию национальной розни, не могла служить позиция партийного руководства НКАО и прежде всего Г. Погосяна. Дестабилизирующая, чреватая негативными последствиями политика, взятая на вооружение руководителями НКАО, вызывает законное возмущение нашего народа. Безответственные заявления, идущие вразрез с решениями

партии и правительства об НКАО, провоцирующие деяния, в частности сознательное покушение на историческую реликвию азербайджанского народа Топхана близ Шуши, откровенные планы ползучей экономической и политической аннексии НКАО и многое другое — все это служит реальным рычагом обострения ситуации. В обеих республиках уже появились многие тысячи беженцев.

События вокруг НКАО давно уже вышли за рамки национальных проблем азербайджанского и армянского народов. Уже стало очевидным, что искусственно навязываемая двум братским народам вражда — дело рук коррумпированных кланов, пытающихся заблокировать процесс перестройки в стране, сохранить свои привилегии и нечестно нажитые состояния, уйти от ответственности перед законом за совершенные в годы застоя серьезные преступления, экономические махинации. Им удалось обмануть часть народа, направить его естественное неудовлетворение своим социальным, экономическим и культурным положением в русло дестабилизирующих, межнациональных столкновений. Все это стало возможным в результате серьезных недостатков в интернациональном воспитании людей, обработки населения в духе национального эгоизма, национальной исключительности, в результате

попустительства, а порой и откровенного блокирования значительной части партийного руководства НКАО и Армении с враждебными нам элементами.

Несмотря на авантюристический характер стародавнего лозунга «Великая Армения», современная армянская элита, пытаясь расширить границы Армянской ССР, действует старыми бесчестными методами.

Постановка вопроса о перекройке существующих границ республик Закавказья антиконституционна и никак не может быть оправдана. Это по существу ничем не отличается от насилия.

Дело в том, что правовой статус НКАО в составе Азербайджанской ССР определяется на основе ст. 86 Конституции СССР, статей 83—84 Конституции Азербайджанской ССР и Закона о Нагорно-Карабахской автономной области, принятого Верховным Советом Азербайджанской ССР от 16 июня 1981 года (Ведомости Верховного Совета Азерб. ССР, 1981, ст. 12).

Данный Закон определяет организацию и деятельность органов власти и управления НКАО, их полномочия, взаимоотношения с республиканскими (Азерб. ССР) и союзными органами.

Согласно ст. 138 Конституции Азербайджанской ССР и ст. 41 Закона о НКАО Совет народных депутатов НКАО является местным

органом власти и может руководить социально-политическим и хозяйственным строительством на своей территории, утверждать бюджет и народнохозяйственный план области, обеспечивать охрану государственного порядка и прав граждан, соблюдение законов и т. д.

В соответствии с Конституцией СССР и Азербайджанской ССР Совет народных депутатов не наделен правом рассмотрения на своих сессиях вопроса о территориальных изменениях республики. Национально-территориальное изменение — это суверенное право союзной республики.

«Территория союзной республики не может быть изменена без ее согласия. Границы между союзными республиками могут изменяться по взаимному соглашению соответствующих республик, которое подлежит утверждению Союзом ССР» (ст. 78 Конституции СССР).

Иными словами, Союз ССР при образовании СССР принял на себя обязательство охранять суверенные права союзных республик, входящих в состав многонационального государства (ст. 81 Конституции СССР).

Исходя из сказанного выше, следует указать, что решение Совета народных депутатов НКАО о выходе области из состава Азербайджанской ССР и вхождении в состав Армянской ССР является противоправным и антиконституционным. Такое

решение находится в прямом противоречии с конституционным законодательством и является нарушением государственного суверенитета Азербайджанской ССР.

Итак, попытки перекройки границ республик антиконституционны, никак не могут быть оправданы. А что, если бы в свое время руководство нашей республики, ссылаясь на то, что в трех районах Армянской ССР компактно проживало несколько сот тысяч азербайджанцев, первым потребовало бы передать земли, населенные ими, Азербайджанской ССР?! Мы этого не сделали. Однако тогдашнее руководство Армении, не смогшее воплотить в жизнь своих провокационных планов в отношении НКАО и других азербайджанских земель, как бы смотря «вперед», с согласия бывшего руководства нашей республики, выселило множество десятков тысяч азербайджанцев из районов Армении, которые были расселены в Азербайджане. Часть их, не сумев привыкнуть к новым условиям, погибла. Мало того, *чтобы*, так сказать, *замести следы своих преступных действий перед историей*, армянское руководство *стерло с лица земли множество сотен азербайджанских названий мест, заменив их армянскими*. Знает ли обо всем этом академик А. Аганбегян и его компания? А знают ли они, что мы не раз уступали армянам наши земли? Не довольно ли?

А знают ли они, что в Армянской ССР (до массового изгнания азербайджанцев) компактной массой проживало более 200 тысяч азербайджанцев. Может, ссылаясь на историю и историческое право и т. п., и нам потребовать в лоно республики земли, населенные азербайджанцами?

Конечно, все это было бы аморально и преступно. Постановка вопроса о перекройке существующих границ политически вредна. Она противоречит интересам национальной политики КПСС, делу дальнейшего укрепления дружбы народов нашей страны в современных условиях и может вызвать и вызвала оживление весьма опасных националистических настроений. Поступающих так следует наказывать самым суровым образом.

Образование Нагорно-Карабахской автономной области в составе Азербайджанской ССР явилось результатом кропотливой работы партии. Оно было огромным достижением ленинской национальной политики.

Только благодаря победе Советской власти, мудрой национальной политике Коммунистической партии был разрешен «карабахский вопрос», не раз использовавшийся империалистами и их контрреволюционными агентами в своих корыстных целях.

Исторический опыт убеждает нас в том, что

сегодня требования, направленные *на* пересмотр существующего национально-территориального устройства, противоречат интересам азербайджанского и армянского народов, наносят вред ленинским принципам межнациональных отношений во всей стране. Налицо фактически замаскированный «криками» о перестройке, демократии, гласности коварный и опасный «образец» «организованного» «чистейшего» национализма. Это попытка негодной «аргументацией» переосмыслить историю региона, «морально» оправдать и узаконить территориальные притязания, возродить воинствующий дашнакский национализм. Наши идейные враги с удовлетворением воспримут все это. Мы не можем недооценивать опасности подобных попыток! В наши дни, когда обостряется противоборство идей, усиливается идеологическая агрессия империализма, появление подобных идей и действий вокруг т. н. «карабахского вопроса» — невероятно страшная вещь, с кошмарными последствиями, с которыми мы уже столкнулись в Аскеране и Сумгаите. Кровь, пролитая в Аскеране и Сумгаите в результате провокационных действий врагов азербайджанского и армянского народов, лежит на совести зачинщиков т. н. «карабахского вопроса».

Сегодня важное значение приобретает вопрос об ответственности, классовом, партийном

подходе, коммунистической строгости и принципиальной требовательности. К этому призывает нас Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. М. С. Горбачев. Мы полностью одобряем мудрые решения партии и правительства, обращение Генерального секретаря тов. М. С. Горбачева к трудящимся, к народам Азербайджана и Армении.

Никакими мерами не измерить потери чувства национального доверия, ущемление дружбы и братства народов. Опытом нашего Советского многонационального государства доказано, что дружба народов весьма «чувствительна» к изменениям в сферах классовых и национальных отношений. Считая дружбу народов самой динамичной социально-политической силой, В. И. Ленин подчеркивал, что, единственно-правильным отношением к интересам наций будет «создание условий, которые исключают всякую возможность конфликтов на этой почве» (ПСС, т. 45, стр. 240).

Священный долг всех поколений наших народов ни на минуту не забывать надежды В. И. Ленина, выраженной им в его историческом письме «Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики» от 14 апреля 1921 г., что тесный союз советских республик Кавказа «создаст образец национального мира, невиданного при буржуазии и невозможного в буржуазном строе» (ПСС. т. 43,

стр, 198),

Ни на минуту нельзя забывать, что Ленинская партия воспитывает всех нас, советских людей, в духе общесоветской национальной гордости, общей любви к единой Великой Социалистической Родине, учит нас, что национальные интересы каждого советского народа наилучшим образом соблюдаются тогда, когда везде и всюду соблюдаются интересы Союза Советских Социалистических Республик.

Правда на нашей стороне. НКАО — исконно наша земля. Это — часть земли Карабахской. Карабах был и будет нашим, невзирая на все махинации наших врагов, врагов азербайджанского и армянского народов. Армянские националисты и их зарубежные покровители сеют рознь между народами. Будьте, товарищи, бдительны!

Февраль — ноябрь 1988 года